

Лесса Каури

ЛЕСУРСКИЕ
ПРИЗРАКИ

Сказки Тикрейской земли

Лесса Каури

Ласурские призраки

«Автор»

2020

Каури Л.

Ласурские призраки / Л. Каури — «Автор», 2020 — (Сказки
Тикрейской земли)

В этой книге мы посмотрим с другого ракурса на события романа «Золушки при делах», для чего вернемся во времени назад – в весенний Вишенрог. Для того, чтобы напомнить читателям о предыдущих событиях, в текст будут включены некоторые сцены из «Золушек при делах», но теперь вы увидите их глазами совсем других героев. Однако речь в книге пойдет, в основном, о Вите и Яго. Архимагистр Никорин отправляет их в секретную миссию, от которой будет зависеть будущее всего Тикрея.

Лесса Каури

Ласурские призраки

Архимагистр Никорин раздраженно захлопнула книгу и бросила на стол. Воистину память народная коротка и склонна к украшательству! Вот откуда, скажите, «у волшебницы, уничтожившей огненную колдунью Герлинду, длинные черные кудри, глаза, как вишни, и яркий румянец»?.. Ники повернула магическую амальгаму, которая в перерывах между исполнением основных обязанностей была совершенно обычной, и взгляделась в свое лицо: его, по-прежнему прекрасное, без единой морщинки, обрамляли коротко стриженные, почти белые волосы. Глаза «как вишни» на деле были светло-голубыми. Казалось, они отражают внешний мир, как зеркало, не вбирая. Видимость была обманчива. Для многих – смертельно обманчива.

Тяжело вздохнув, архимагистр прошлась по своим покоям и привычно уткнулась лбом в стекло Золотой башни. Захотелось пройти его насквозь, отправившись по небесной дороге к солнцу, чей край только показался над горизонтом.

С одной стороны неплохо, что истинный облик женщины, спасшей Тикрей от бога огня Гересклета, забыли! С другой... Ники столько усилий приложила, дабы имя Ясина Зорея стерлось из народной памяти, однако неожиданно в сказках и мифах появился персонаж, описание которого почти полностью совпало с внешностью черноволосого капитана «Касатки». И теперь волшебнице было немного обидно.

Осознав это, архимагистр фыркнула, потешаясь над собой. Привычная боль, стылой ладонью коснувшаяся сердца при воспоминании о Ясине, ушла, будто испугалась.

– Брут... – позвала Никорин.

Спустя мгновение гном уже стоял позади, сойдя с порталной плитки. Он выглядел так, словно успел не только умыться, позавтракать, как и полагается уважающему себя мастеру, но и знатно поработать.

– Да, Ваше Могущество!

– Ты помнишь наш рейд по библиотекам? Сколько лет назад это было?

– Примерно, сто восемьдесят... Хотите повторить?

Перед глазами архимагистра заплескали языки пламени, пожиравшие древние свитки и рукописные книги. Время – убийца устных сказаний, но куда опаснее то, что написано! Ники желала выжечь имя Зорея из своего сердца, а вместо этого выжигала его из скрипториев и хранилищ. Имя черноволосого волшебника с глазами «как вишни» и ярким румянцем... Какая ирония судьбы в том, что сказания теперь приписывают его внешность ей!

Она дернула плечом и обернулась.

– Пока нет, Брут, но кто знает...

– Мне не нравится ваше настроение в последнее время, – гном глядел на нее, прищутив маленькие глазки, отчего они казались еще меньше, – что происходит, моя госпожа?

– Если бы я знала... – вздохнула архимагистр. – Я слышу отзвуки большой беды, Брут... Они – как шум моря, но стоит прислушаться – и они затихают. Впрочем, раньше я и этого не слышала.

– Ваша Сила растет, – Бруттобрут продолжал пристально смотреть на нее, – мы оба это знаем. Но не знаем, к чему это приведет.

– Ни к чему хорошему, – поморщилась Никорин. – В мире должно существовать равновесие, которое однажды будет нарушено из-за меня. Что тогда случится, я даже думать не хочу!

– Тогда – не будем! – решительно кивнул гном. – Что вы хотели мне поручить?

– Подбери для меня самые известные Тикрейские сказки. Хочу почитать на ночь.

– Я не ослышался? – уточнил Брут. – Сказки со всего Тикрея? Включая Крей и Лималль? Ники посмотрела на него.

– Сделаю! – Гном удивленным не казался – давно привык к причудам своей госпожи. – Какой срок?

– Чем быстрее, тем лучше.

– Хорошо. Что-то еще?

Архимагистр снова вздохнула.

– Давай завтракать, Брут. День будет долгим...

Не открывая глаз, Вителья Таркан ан Денец слушала спокойное дыхание своего мужчины и улыбалась. Пока Яго дышал – ее мир существовал незыблемо и неизменно. Конечно, она никогда не думала об их отношениях подобными словами, но в глубине души ощущала происходящее именно так.

Осторожно, чтобы не разбудить, она сняла его руку, обвившую ее талию, и встала, зная, что ласурец все равно проснется.

– Не стой долго у окна, замерзнешь, – пробормотал Яго и повернулся на другой бок. – Возвращайся скорее!

– Я – волшебница, не замерзну... Спи! – укорила она.

– Сплю, – улыбнулся он, и от его покорности Вителье стало жарко.

Захотелось стащить с себя ночную рубашку, а с него – одеяло, обвить ласурца руками и ногами, чтобы стать на несколько мгновений единым, полным страсти существом...

Чувствуя, как предательски заполохали щеки, волшебница все-таки пошла к окну. Поселившись в доме Ягорая рю Воронна, она каждый день наблюдала, как меняются берега реки, протекавшей под окнами. С кустов, росших на берегу, облетала листва, они утопали в снегу, сквозь который виднелись яркие ягоды, или покрывались ледяной коркой – в зависимости от того, какой ветер дул с гавани. Сейчас ветви были голыми – снег остался лежать под корнями, а почки еще не набухли. На темной, незамерзающей воде покачивались, будто рыбацкие баркасы, толстые утки, которых Матушка Ируна знатно откормила за зиму. Почему-то это каждодневное зрелище придавало Вителье сил и душевного спокойствия.

Бросив прощальный взгляд на уток, волшебница отправилась умыться.

Спускаясь к завтраку, Вита услышала, как Дробуш увлеченно декламирует Матушке Ируне результат своего ночного бдения:

Я сегодня семечек не грызла,
Не смотрела трепетно в окно...
Видишь, почва по весне раскисла,
Знать, тебе прибыть не суждено!

С кухни тянуло запахом оладий, которые Матушка пекла почти каждое утро, втайне надеясь откормить худенькую гостью. Оладьи Вителья обожала, но упорно не толстела, хотя в еде себе не отказывала.

Целый день на кухне с миной кислой
Блюда пригорели все давно...
Видишь, почва по весне раскисла,
И тебе прибыть не суждено!

Ируна всхлипнула, роняя слезу в тесто: за прошедшее время поэтический талант Вырвиглота расцвел махровым цветом.

Я сегодня семечек не грызла,
Но смотрела трепетно в окно
Не мелькнет ли Узаморский гризли,
Коль тебе прибыть не суждено!

Мысленно схватившись за голову, волшебница вышла на кухню.

– Какой печальный сонет! – воскликнула Матушка Ируна и положила довольному троллю добавки. – Какая грустная история!

– Ы! – улыбнулся Дробуш, отправляя в пасть оладью. – Вита пришла...

– Ночью надо спать, – строго сказала волшебница, садясь рядом с ним, – а не вирши сочинять!

– Спать скучно, – зевнул Вырвиглот, – снятся камни и мосты... Стихи сочинять интереснее.

Матушка Ируна потрепала его по плечу.

– Ты очень талантливый молодой человек, Дробушек! А Виту не слушай – она ничего не понимает в поэзии.

– Ну конечно, – фыркнула волшебница, и обе женщины рассмеялись.

Прошедшие события сблизили их настолько, что Вите иногда чудилось, будто она знала Ируну еще в Крее, когда была ребенком. Слава Богам, и с матерью Ягорая – Фираной рю Воронн, у нее установились теплые отношения. Хотя иногда волшебнице казалось, что герцогиня побаивается ее – как боятся люди непонятных для них явлений.

– Давай поторопимся, Дробуш, – отсмеявшись, сказала она. – Сегодня у меня занятие с магистром Кучиным, не хочу опоздать.

– А я почитаю... – мечтательно осклабился тролль и начал заталкивать в рот одну оладью за другой.

Вырвиглот любил читать. При этом он безошибочно выделял качественные произведения и не выносил литературный мусор. Адепты Ордена Рассветного Лезвия, в котором состояла Вителья, давно привыкли к ее чудаковатому слуге и его страсти читать все, что встречалось на полках Орденской библиотеки. Иногда они подсовывали ему какой-нибудь бульварный роман, делая ставки, за какое время Дробуш раскусит текст. Обычно книга летела в мусорное ведро уже на третьем-четвертом абзаце. Кроме того, память у тролля была феноменальной, например, он мог цитировать наизусть самые длинные баллады Одувана Узаморского. Однако предпочитал – к ужасу Вительи – сочинять собственные.

Перед тем, как уйти из дома, волшебница поднялась в спальню и нежно поцеловала Яго. И, как всегда, он моментально захватил в плен ее губы своими.

– Когда-нибудь, Ягорай рю Воронн, я подкрадусь к тебе так, что ты не проснешься! – воскликнула она, смеясь и уворачиваясь от его цепких рук.

И, как всегда, он ответил, нежно улыбаясь:

– Посмотрим!

Когда Вителья сбежала с лестницы, Дробуш уже стоял внизу, держа ее подбитый волчьим мехом плащ, тот самый, что подарил рю Воронн.

В дороге она и Вырвиглот молчали, наслаждаясь ранним утром, пустыми улицами, еще сонным посвистом птиц.

– Хорошо! – констатировал тролль, и Вителья согласно кивнула.

«Йа-ху! – раздался победный вопль. – Что такое тишина? Это зеркало, которое надо разбить! Жизнь есть хаос, а хаос не терпит тишины!»

Дробуш грустно посмотрел на волшебницу:

– Опять это недоразумение...

«Йа? Йа недоразумение?!» – возопил Кипиш так, что последние надежды на тихое утро разлетелись вдребезги.

«Кипиш!» – мысленно прикрикнула на него Вита.

Божок проявился в воздухе, повис перед ней, летя спиной вперед.

«Как говорят эти противные ласурцы, все, кроме Яго, разумеется, – добрых улыбок и теплых объятий, моя жрица! – воскликнул он и перелетел на плечо Вывиглота. – Можешь себе представить, в Вишенроге идет война, о которой никто не подозревает!»

Вителья насторожилась.

«О чем ты?»

«Поля сражений усыпаны трупами, потери велики, битвы грандиозны, и меня это радует!»

«КИПИШ!»

«Ну, хорошо, хорошо! Твой возлюбленный объединяет свой народ, и в качестве объединителя он жесток и прекрасен!»

Дробуш и Вита переглянулись в недоумении и в один голос воскликнули:

– Яго?!

Мерзкая старушонка захихикала:

«Ой, я сказал – возлюбленный? Я хотел сказать – любимый крыс! Крысиные диаспоры всегда существовали отдельно друг от друга, нашему хвостатому Величеству приходится очень сложно, но его упрямством можно дробить горы и рыть шахты! Вот увидите, к концу лета Альтур Пенкрысон захватит Вишенрог и разошлет герольдов по окрестным городам...».

«Это может грозить людям? – Вита нахмурилась. – Кипиш, может быть, это и грандиозно, но если начнут страдать ласурцы, я вмешаюсь».

Младенец посмотрел на нее, капризно надув губы:

«И что ты сделаешь?»

«Уничтожу Альтура вместе с его народом, – пожала плечами волшебница. – Надеюсь, ты понимаешь, что я могу это сделать?»

«Жестокая! – театрально воздев руки, воскликнула черноволосая красавица. – Как можешь ты поднимать руку на божьи создания?»

«Я свое слово сказала! – отрезала Вителья. – Можешь нашептать Его Хвостатому Величеству на ухо, пусть сочтет за пророчество».

«Злая...» – поморщился месяц и... растворился в воздухе.

– Вот что с ним делать? – вздохнула Вита и взяла Дробуша под руку.

В конце улицы показалось здание Орденой резиденции.

– Убить? – с готовностью предложил тролль.

Волшебница снова вздохнула. Если бы все было так просто.

Фарга под тяжелым взглядом Ашрама чувствовала себя неуютно. Старший клана подавлял ее волю, а Тариша этого не терпела. Но каждый раз внутренний протест оказывался погребенным воспоминаниями о том, как она и Ашрам, бок о бок, стелились по лесной траве бесшумными смертями. И как кричали те люди...

– То, что ты рассказала, чрезвычайно важно, – проскрипел старейшина. – Умница, девочка. Сила крейской волшебницы ставит под угрозу наши планы, поэтому рано или поздно придется решить, что с ней делать. Но пока оставим ее... – старик плотоядно усмехнулся, – ...на десерт! А вот с твоим дружкой необходимо разобраться. Он нужен нам... как один из бешеных!

Тариша вскинулась и на мгновение потеряла взгляд Ашрама в магическом зеркале, а когда вновь заглянула в его глаза, разглядела в них мрачный огонь веры, делавшей его фанатиком.

– Что у тебя с ним? – требовательно спросил старик. – Вы близки?

Она нерешительно кивнула: боялась признаться себе в ощущении единства с одним из Охотников Мглы. Единства, которое указывало на то, что они – пара.

– Прекрасно! – воскликнул Ашрам и повторил: – Ты – умница! Завлечешь его в место, которое я назову, опоишь сонным зельем. Вас будет ждать мой посланник, он заразит твоего друга. Твоя задача – наблюдать, как развивается болезнь. Меня интересует, сможет ли она победить вмешательство Вительи Таркан ан Денец после укуса Бурого Отшельника?

На памяти фарги Старейшина редко хвалил ее, и впервые хвалил дважды, но она смотрела на него, чувствуя, как поднимается шерсть на загривке. Только что он сказал, что хочет убить ее пару, ведь всем известно, чем оканчивается бешенство для заразившегося.

Ашрам Виден Белая Смерть неожиданно приблизил лицо к амальгаме.

– Ты сомневаешься, Тариша Виден? – прогремел его голос с силой, швырнувшей фаргу на колени. Она едва не выронила зеркало. – Ты не смеешь сомневаться в МОЕЙ ВОЛЕ, ты подчинишься!

В его желтых глазах плескались сила и ярость, сравнимые с силой и яростью новорожденной звезды. Тариша пыталась сопротивляться, ощущая, как чужая воля скручивает ее в бараний рог, делает мягкой и податливой глиной, из которой можно вылепить что угодно. Воспоминания о нежных губах Дикрая, о крепости его рук и остроте его клыков растворились в криках умирающих людей, звучащих музыкой.

Фарга опустила голову и прошептала:

– Подчиняюсь... Назови место и время.

– Хорошая девочка...

От голоса, по-прежнему казавшегося Тарише чужим, по коже побежали мурашки. Она силилась, но так и не смогла поднять взгляд на того, кто говорил с ней. Однако она знала, что это не Ашрам.

Вителья постучалась в кабинет магистра Кучина, и услышав: «Войдите!», толкнула створку. Напротив магистра, на стуле для посетителей, сидел широкоплечий светловолосый мужчина в пропыленной мантии боевого мага. Когда волшебница вошла, он обернулся.

– Варгас! – воскликнула Вита, позабыв о магистре, и бросаясь к бывшему напарнику. – Боги, Варгас Серафин, как я рада тебя видеть!

Блондин встал, явно волнуясь.

– Вита...

– Магистр, он вернулся? – зеленые глаза крейской волшебницы сияли. – Скажите мне, что мой напарник вернулся?

Станса не выдержал ее напора и улыбнулся, однако промолчал.

– Ох, простите! – воскликнула Вита. – Я помешала вашему разговору. Буду ждать вас в тренировочном зале, магистр.

Все так же молча Кучин кивнул.

– Ты обедаешь со мной... И не вздумай увиливать! – волшебница погрозила Варгасу пальцем. – Хочу послушать про твои подвиги на границе.

Она улыбнулась им обоим и вышла.

Серафин не сдержал вдоха и смутился, наткнувшись на пристальный взгляд магистра.

– Так для чего меня выдернули со службы? – торопливо спросил он. – Я могу узнать? Для нас есть новое задание?

– Для нас? – поднял брови Станса.

– Ну... – не нашелся, что ответить Варгас.

– Не торопите события, – в голосе магистра прозвучало неожиданное сочувствие. – Даю вам седмицу на отдых, а затем вы будете включены в штатный график дежурств. Теперь идите, Варгас, – Кучин поднялся, – а меня ждет занятие с одной перспективной адепткой...

– ...С которой я обедаю, – улыбнулся блондин. – Если не возражаете, я подожду окончания тренировки в зале. Мои вещи дома, и пока вы не включили меня в график, мне совершенно нечем заняться.

– Конечно. Идемте.

Перед тренировкой Станса собственноручно соткал для Вительи щит, который защищал ее от смертельной силы его заклинаний, но допускал некоторую степень силового воздействия на волшебницу. В течение трех часов магистр забрасывал девушку, стоящую за дуэльной чертой, заклинаниями, многие из которых она не смогла отбить. В течение трех часов магическая энергия, преобразованная щитом в силовую, сшибала Виту с ног, отшвыривая все дальше и дальше. Вначале крейка сердилась, кусала губы, косилась на Варгаса и еще нескольких адептов, наблюдавших за тренировкой. Затем – разозлилась всерьез и о зрителях позабыла. Последний энергетический удар Кучина протащил волшебницу на несколько метров назад, заставляя вздыматься речной песок, которым была усыпана арена. Сверкая глазами, словно самая дикая из всех диких кошек, Вителья вскочила на ноги, намереваясь швырнуть ответное заклинание... Как вдруг пол под ее ногами дрогнул.

Повинуясь движению руки магистра, между ним и адепткой взметнулась блестящая завеса «Небесного ливня» – самого сильного из известных магам защитных заклинаний.

– Остановись, Вителья! – крикнул Кучин. – Остановись и запомни этот миг!

Варгас смотрел на крейку и не верил своим глазам. Вокруг нее вихрилась древняя изначальная Сила, способная стереть с лица земли не только тренировочный зал со всеми зрителями, но и резиденцию Ордена. Девушку охватывало сияние, придающее ее лицу жутковатое выражение, а глаза горели, словно злые зеленые звезды.

Мгновение – и потрясшее мага видение исчезло. Волшебница растерянно опустила руки и посмотрела на Кучина, который быстрым шагом шел к ней.

– Магистр, я не понимаю... Что произошло?

Станса развеял щиты и остановился рядом. Его лоб покрывали бисеринки пота.

– Ты вышла из себя, Вителья, – тяжело дыша, сказал он. – Запомнила ли ты тот момент, когда ярость захватила тебя, заставив позабыть о благоразумии?

Девушка нахмурилась, потерла виски тонкими пальцами. Пальцы все еще едва светились...

– Кажется, да...

– В этот момент ты перешла грань между мирами, начав черпать истинную Силу. И стала опасна не только для других, но и для себя! Твоя наиглавнейшая задача сейчас – научиться переходить эту черту, будучи в здравом уме и доброй памяти, не поддаваясь на провокации, вроде той, которой подверг тебя я. Начиная с этого момента, Вителья, тебя будет тренировать архимагистр Никорин.

Вита с изумлением смотрела на Стансу. Значило ли это, что магистр научил ее всему, что знал сам?

– Тебе еще многому предстоит научиться в Ордене, – словно прочитав ее мысли, продолжил Кучин, – и ты продолжишь обучаться теории и истории магии, как и полагается адептке. Но тренироваться будешь с Ее Могуществом. Ради всеобщей безопасности. А сейчас можешь идти. На сегодня достаточно.

Варгас уже ждал у выхода. Когда она подошла, взял ее за руки и ободряюще улыбнулся:
– Вита, это впечатляет!

Она сердито вытасила пальцы.

– Кажется, меня только что объявили опасной для общества, чему тут впечатляться? На меня и так уже другие адепты смотрят косо, считая любимицей магистра... А теперь вообще не будет прохода от насмешек!

– Граф рю Воронн знает об этом? – Варгас не показал вида, как тяжело ему далось имя соперника.

– Яго? – изумилась волшебница. – Ты хочешь, чтобы он явился сюда и убил их всех? Нет уж! Я и сама справляюсь. Главное, не обращать внимания на злословие!

– Знаешь, я думаю, под глупыми шутками они пытаются скрыть страх, – покачал головой маг. – Куда пойдем обедать? И где твой верный Вырвиглот?

– В библиотеке, где же еще? – Вителья потрянула волосами, прогоняя невеселые мысли. – Пойдем за ним...

Когда они поднялись из подземелья резиденции и остановились перед дверями библиотеки, Вита придержала Серафина за рукав.

– Скажи, – волнуясь, спросила она, – а ты тоже меня боишься?

Варгас смотрел на нее, и снова видел богоподобное существо, окруженное сиянием, и лишь отдаленно напоминающее человека. Существо с горящими глазами, способными заглянуть за изнанку бытия. Но в сердце мага не было страха. Лишь желание обладать тем, чем обладать не суждено.

– Не дождешься, Вителья! – засмеялся он, стараясь за смехом скрыть собственную боль. – И больше не спрашивай меня о таких глупостях. Спорим, Дробушек проголодался?

Дверь распахнулась. На пороге появился Вырвиглот.

– Варгас Серафин, ты вернулся? – поинтересовался он. – И это хорошо. Теперь можно и поесть!

Руфусилья Аквилотская по прозвищу Неистовая Рубака потеряла старый шрам над правой бровью. Шрам ныл перед похолоданием, а мерзнуть гномелла не любила – была у нее, закаленного воина, коему доводилось и в грязи часами лежать, затаившись, и на льду биться, и ночевать под открытым небом бесчисленное количество раз, такая слабость, в которой она стыдилась себе признаться. В трактире «Длиннобород», что располагался в квартале Механиков, было тепло, даже жарко, однако пока не душно – почтенные мастера не закончили еще рабочий день и не явились, по обыкновению, выпить вечернюю пинту. Руфусилья окинула зорким взглядом полупустой зал. За столиком у окна молодые гномы-подмастерья травили анекдоты и радовались жизни – не иначе мастер отпустил пораньше. В дальнем углу, спиной к залу, в одиночестве сидел коряжистый гном, чья шикарная полуседающая грива, не заплетенная в косу, ниспадала по спине. Ей-ей, таким волосам и гномелле не грех завидовать!

На пороге двери, ведущей в подсобку, показалась младшая сестра Руф – Торусилья Аквилотская. Неистовая Муха, как звали ее коллеги-рубачи, легко несла на широких плечах дюжий бочонок с пивом.

– Не пришли еще? – поинтересовалась она у сестры и, получив отрицательный кивок, повернулась к трактирщику. – Куда ставить, почтенный?

Почтенный Ворвард по прозвищу Длиннобород, сын Арварда Длинноборода, принял у нее бочонок и водрузил на стойку. Ловким движением вставил позолоченный краник, вбив затычку внутрь, – для удобства разлива. Поклонился со словами:

– Благодарю за помощь, уважаемая Тори!

– Плесни свеженького, в горле пересохло, – ответно поклонившись, улыбнулась та и подошла к сестре. – Что-то сегодня тихо, Руф...

– Не каркай, – поморщилась та и снова потеряла шрам. – Не надобно нам сегодня потасовок, нам надобно почтенного мастера Йожевижа к делу пристроить, а то смотреть на него страшно, ажно почернел весь без работы. Так и усохнуть недолго!

– Потасовки мы быстренько... того! – Тори сделала лаконичный жест рукой, будто сносила кому-то голову. – И Йожа пристроим! Мы, рубаки, просто созданы для того, чтобы решать проблемы.

Губы Руфусильи тронула улыбка.

– Так всегда Ганги говорил, помнишь? Где-то он сейчас?

Младшая сестра пожала плечами и с поклоном приняла у трактирщика полную кружку.

– На службе, как и мы. Где ж ему еще быть?

Старшая покосилась на кружку.

– Не засиделись мы на теплом месте, сестра, как думаешь? Не пора настоящим делом заняться?

Торусилья с наслаждением слизнула пену.

– Как Руфус с Торусом решат, так и будет, сеструха! Суждено нам отдыхать, да бока наедать, – будем. Суждено в путь-дорогу отправиться – отправимся. Чего тебе спокойно на месте-то не сидится?

Руфусилья не ответила. Скользнула взглядом по пышноволоосому гному, отметила блеск в прекрасных камнях его перстней и уставилась в окно. Где-то там, за горами и долами лежал пробудившийся от многолетнего сна Лималль. И где-то, под пробудившимся от многолетнего сна Лималлем, точно с такой же тоской смотрел на штрек, уходящий на поверхность, голубоглазый Ахфельшпроттен Первый, король Независимого Подгорья и отец своего народа.

– Как дела, брат?

– Все так же, брат... Ничего не меняется. Давеча поймали крейских соглядатаев на границе, знаешь?

Оборотень кивнул.

– Знаю. При нынешней политической ситуации на Тикрее им нечего делать в Драгобужье. И мне это очень не нравится...

– Думаешь, они ищут новые пути для наступления? – гном встревоженно зашевелился. – Но в таком случае Драгобужье станет помехой!

Оборотень кивнул.

– Именно. Помехой, которую не удастся устранить асурху, если он не посадит на трон одного из своих ставленников-старшин.

Гном внимательно посмотрел на него и осторожно поинтересовался:

– Мы вмешаемся?

Оборотень с досадой качнул головой:

– Сейчас мне бы не хотелось. Нам стоит проверить, так ли они благоразумны, эти гномы Синих гор, как мы всегда о них думали.

– Согласен, но это значит, что мы можем действовать лишь косвенно! – воздел толстый палец гном. Сверкнул алым великолепный рубин в перстне. – Но как? Брат, иногда я теряюсь. Я бы хотел сидеть в своей мастерской, покуривая трубочку-другую, и работать, работать, работать. А вместо этого мы вынуждены все время что-то разгребать. Как мусорщики, хусним!

Оборотень помрачнел.

– На Тикрее когда-то был мусорщик, – пробормотал он, – но его больше нет, остались только мы... И те, кто о нас не подозревает.

Гном тяжело вздохнул.

– А знаешь, – вдруг встрепенулся оборотень, – действовать косвенно можно по-разному. Пожалуй, я обдумаю твою идею на досуге, благодарю, брат. И выше нос! Мы еще не попробовали здешнего темного эля!

– Ты прав, – оживился гном. – Так чего же мы ждем? Эй, хозяин!

Компания ввалилась в трактир в самый разгар веселья – Торусилья разводи́ла по углам поспоривших почтенных мастеров, стремящих проверить крепость лбов друг друга. Руф, с философским спокойствием опершись о стойку, наблюдала за действием. Увидев друзей, она махнула рукой, привлекая внимание, и указала на пустующий столик под окном.

– Мне здесь нравится! – оглядевшись, заявил Дикрай и плюхнулся на скамью у стены, потянув за собой Таришу. – Эль пахнет хорошо, свежий, значит.

Фарга сощурила желтые глаза и проворчала:

– Грибами несет... Терпеть не могу грибы! Не мясо, не овощи, Аркаеш знает что.

– Ничего ты не понимаешь, – хмыкнула Виньовинья, – тебе бы только мясо подавай, а между тем в грибах полно полезных микроэлементов...

– Молчи, уважаемая Виньо, еще одной лекции, после вчерашней о прелестях кишок, я не выдержу! – засмеялась подошедшая Руфусилья и поклонилась Йожевижу. – Почтенный Йож, мастер Хлопблехель ждет тебя вон за тем столиком. Пиво от твоего имени я уже заказала.

Йожевиж торопливо встал, поклонился в ответ:

– Благодарю!

И твердым шагом двинулся в сторону указанного столика.

Супруга проводила его взволнованным взглядом.

Вителья переглянулась с Яго и погладила гномеллу по плечу:

– Виньо, все будет хорошо, вот увидишь! Не может наш Йож не понравится почтенному кузнецу. Он ведь и мастер классный, и работник хороший.

– Все так, – кивнула та, – только я иногда и до сих пор себя виню...

– Это в чем же? – изумилась Руфусилья.

Фарга тоже удивленно посмотрела на подругу.

Виньовинья, красневшая мгновенно и ярко, как все рыжие, заалела щеками.

– В моей жизни ничего ценного не было, когда я его встретила... – заикаясь, попыталась объяснить она. – А у него и дело свое, и почет, и уважение других мастеров, и место в гильдии Ювелиров... В общем, было что терять.

– Дурында ты, уважаемая Виньо, – грубовато заметила Руфусилья, – он и потерял – по своей воле, а не по твоей. Такого, как наш Йожевиж, и Аркаеш не заставит сделать то, чего он не захочет. Так что выбрось-ка эти унылые мысли из своей хорошенькой головки и наслаждайся элем, вон, Длиннобород уже несет поднос!

– И правда, – фыркнула Тариша, – нашла время себя винить! С чего бы?

Виньо молча пожала плечами и, взяв кружку с подноса, уткнулась в нее курносый носом. И чуть было не подавилась, когда из кружки показалась кошачья голова с усами в пене.

– Рано грустить, рано! – назидательно промурлыкал кот, выпрыгнул из кружки, отряхнулся и уселся в центре стола, сложив на животе толстые... ручки. – Время веселиться!

– Тьфу ты, – проворчал Дробуш, по обыкновению севший с другой стороны от Вительи. – Вот напасть!

Виньо подумала и отставила кружку, взяв с подноса другую. Цепкие ручонки божка тут же подхватили отставленное и... эля как ни бывало!

– Время пиры пировать нынче, – заявил Кипиш и со стуком поставил кружку на стол. – А что, Варгас Серафин не пришел?

– Варгас? – Яго посмотрел на Виту. – Он в Вишенроге?

– Вчера приехал, – отчего-то чувствуя себя виноватой, пояснила волшебница, – его вызвал магистр Кучин, но не сказал – зачем.

– И нас не захотел навестить? – надула губы Виньо. – Друг называется!

Вителья отвела глаза. Честно говоря, встретив Варгаса, она так ему обрадовалась, что упустила из виду традицию совместных трапез «хорьков», а наслушавшись рассказов светловолосого мага о жизни на границе, и вовсе обо всем позабыла. А еще он так смотрел на нее... И думал, что она этого не замечает.

Рука Яго властно накрыла ее руку и с силой сжала. Волшебница ощутила желание мужчины, как свое собственное. Да, она знала, – рю Воронн не из тех, кто отпустит к другому любимую женщину, знала с самого начала... Просто с Варгасом была связана какая-то часть ее жизни, становление Вительи Таркан ан Денец как волшебницы и просто свободной личности. И это не так-то просто было забыть.

Задумавшись, она упустила момент возвращения Йожевижа. Гном, прежде чем сесть, схватил ждущую его кружку с элем, одним глотком опорожнил ее, крикнул и сел рядом с Виньо. Та обеими руками обхватила его мощное плечо и отчего-то шепотом спросила:

– Ну как?

– Завтра на работу! – ахнул кулаком по столешнице гном, отчего подскочили не только опустевшие кружки, но и наполнившийся Кипиш. – В шесть утра быть в кузне почтенного Хлопблехеля! И хусним!

– Это отличный хусним! – засмеялся Яго, хлопнув друга по плечу. – За этот хусним надо выпить.

Рю Воронн по контрабандистской привычке никогда спиной к входу не садился, предпочитая держать происходящее под контролем, а Вителья, сейчас сидевшая к залу вполоборота, вдруг ощутила чей-то взгляд, до того пристальный, что между лопатками зачесалось. Раньше она бы обернулась, но за прошедшее время набралась опыта в качестве боевого мага, поэтому незаметно сплела и выпустила соответствующее заклинание. Волшебница не так давно начала видеть любую магию воочию, не переходя на внутреннее зрение, и первое время ужасно пугалась, пока не поняла, что никто, кроме нее, ничего не замечает. Вот и сейчас никто не обратил внимания на наколдованный ею «Взор», который выглядел, как сфера, наполненная чернильным дымом, и напоминал зрачок какого-то гигантского существа. Он поднялся под потолок, позволяя Вителье рассмотреть занятые столики. В Длиннобороте собирались, в основном, гномы, однако встречались и люди – их и среди механиков, на территории гильдии которых располагался трактир, было немало. «Взор» облетел зал, то приближаясь, то удаляясь к тем, кто вызвал интерес молодой волшебницы, однако никто не буравил ее внимательным взглядом. На разношерстную компанию вообще не оглядывались – почтенные мастера любили отдыхать и ценили мгновения отдыха, еще больше любили пиво и ценили темный густой эль. Они не приветствовали, когда кто-то мешал отдыхать им, и сами не мешали другим.

«Взор», проплыв над дородным гномом в богато украшенном камзоле и с пышной шевелюрой, который сидел в углу и что-то недовольно бормотал себе под нос, вернулся к волшебнице, так ничего и не обнаружив. Оказавшись рядом с Витой, «Взор» вдруг мигнул растерянно и... отразил прекрасное лицо с глазами цвета озерного льда.

Архимагистр Никорин окинула взглядом окружение Вительи и, как показалось волшебнице, с завистью посмотрела на опустевшие кружки.

«Завтра в семь утра жду на первое занятие, – услышала девушка голос, звучащий в голове. – Пора взглянуть на тебя...»

Вита чуть было не ответила вслух, но вовремя спохватилась.

«Я буду вовремя!»

Архимагистр еще раз покосилась на кружки и пропала. «Взор» тут же рассеялся синим дымком. Из дымка сам собой соорудился синий кораблик и отправился в путь, ловко пробираясь между столиками и огибая посетителей.

«Кипиш!» – возмутилась Вителья.

«Его только мы с тобой и видим, – хихикнул божок и захлопал в ладоши – служка нес очередной поднос с пивом и блюдо с жареными свиными ребрышками. – Знаешь, я иногда жалею, что не могу пошалить всласть, не привлекая к себе внимания. А хочется!»

«Хочется – перехочется! – констатировал Дробуш. – И кораблик твой я тоже вижу, между прочим».

«Да?! – изумился Кипиш. Взлетел над столом, закрутил кошачьей головой. – А кто еще?»

«Я вижу!» – тут же отозвался Дикрай, а Яго молча кивнул и улыбнулся.

Вита не выдержала – улыбнулась в ответ. Улыбка делала всегда мрачное и невозмутимое лицо ласурца привлекательным и открытым.

«Это безобразие! – возмутился божок, цопнул кружку с элем и вылил в себя. Черноволосая красавица, отставив пустую кружку, накрутила локон на палец, оглядела присутствующих и надула алые губы: – И почему же это так происходит?»

– Действительно... – пробормотал вслух Ягорай и привлек к себе Виту, чтобы поцеловать, никого не стесняясь.

Виньо, не забывая гладить мужа по плечу, с умилением посмотрела на них. Тариша Виден уткнулась в блюдо с ребрышками, словно там было что-то исключительно интересное.

«Узы крови, полагаю, – свирепый воин поиграл бровями. – Дробуш и Дикрай – кровники Вительи, а ты Яго – ее супруг перед лицом божества, моим то есть...».

«Прости меня, Кипиш-многомудрый, – рю Воронн говорил совершенно серьезно, – но мне бы хотелось, чтобы Вита стала моей женой у алтаря Индари. Надеюсь, когда-нибудь так и будет!»

Порозовевшая волшебница уткнулась лицом ему в грудь.

Свирепый воин задумчиво посмотрел куда-то вдаль... И ничего не ответил.

Туманный кораблик просочился в щель под дверью и был таков.

В семь утра Вителья, нетерпеливо притоптывая каблуком, ждала архимагистра на первом этаже Золотой башни. За рабочим столом вечно суровый гном – секретарь Ее Могущества – уже раскладывал бумаги по стопкам.

Вита недолго наблюдала за ним – в семь ноль три Ники Никорин, свежая, как утренняя роза, появилась рядом с ней, проигнорировав портал. Архимагистр оглядела адептку с головы до ног и только после этого поздоровалась.

– Заниматься мы будем в другом месте, – пояснила она, протягивая ей руку. – Сегодня я отведу тебя, но в следующий раз попадешь туда сама. Координаты определишь самостоятельно.

Вита кивнула и крепко ухватила за прохладные пальцы Никорин. Молодая волшебница волновалась, гадая, как пройдет первое занятие.

Спустя мгновение свежий ветер коснулся ее ноздрей, заставив переступить с ноги на ногу, как норовистую лошадь перед скачками. Вителья обнаружила себя на краю обрыва, под которым протекала бурная река. Прямо перед ней лежало ровное плато, поросшее буро-зелеными островками мха. Лишь в одном месте клонил голову к земле стесанный ветрами утес,

окруженный каменным крошевом, а над ним вознеслось аркой сине-серое небо, источавшее жемчужное сияние рассвета.

Вита поймала испытующий взгляд Никорин и смутилась, понимая, что архимагистр перенесла ее сюда не для того, чтобы любоваться великолепными пейзажами. Прикрыла веки, впитывая координаты Силы и определяя местоположение. Перед глазами почти мгновенно возникла карта Тикрея, на которой Вителья увидела себя пульсирующей красной точкой. Другая точка – голубая, взблескивающая алмазными гранями, была неподвижна.

– Итак... – промурлыкала Никорин.

– Тальбская горная область, предграничье с Драгобужьем, – отрапортовала Вита.

– Население?

– Малонаселено. Пастушьи деревни располагаются западнее.

– И почему мы будем заниматься именно здесь?

– Пустынные территории?

– Да. А еще?

– Не нанесем вреда людям?

– И это тоже... Еще?

Девушка растерянно смотрела на архимагистра.

Ники, запрокинув голову, любовалась быстро бегущими облаками. Потом огляделась, взглядом нашла подходящий валун, села и похлопала ладонью по поверхности камня:

– Иди сюда, Вителья.

Чувствуя, как от стыда заалели щеки, Вита молча опустилась рядом с архимагистром.

– Когда ты была ребенком, тебе рассказывали сказки?

Глазам Виты предстала жаркая кухня с вечно открытым окном в сад. Повариха Солья подсовывала маленькой госпоже и ее братьям всякие вкусности, и рассказывала бесконечные истории о попавших в беду принцессах и спасавших их принцах на благородных скакунах; о мудрых старцах, что сидят на перекрестках трех дорог и предсказывают судьбу прохожим; о странных существах, обитающих в дремучих лесах и огненных пустынях на краю земли...

– Были ли среди них легенды о великанах? – голос архимагистра звучал подозрительно мягко. Вита настороженно кивнула. – В Ласурии есть предание о горном великане Риммеле, который был добр к людям до тех пор, пока люди были добры к нему. Старея, Риммель все больше спал. Он замирал на одном месте, а периоды сна становились дольше и дольше. Шли годы, и великан превратился в утес. Люди из окружающих деревень давно забыли о нем. Однажды их господин решил срезать дорогу, ведущую в ближайший город, и приказал пробить в утесе тоннель. Боль разбудила Риммеля. Разозлившись, он уничтожил деревеньки на много миль вокруг и... снова уснул! Вот ведь подлец! – Ники засмеялась. – Какие выводы ты сделаешь из этой сказки?

Вопрос поставил волшебницу в тупик. Архимагистра Никорин она уважала безмерно, ощущая в ней силу, которой лучше не перечить, но часто не понимала и побаивалась. Честно говоря, беловолосая магичка казалась ей... слегка двинутой.

– Не стоит пренебрегать историей родных мест? – осторожно спросила Вита.

Ники совершенно по-мальчишечьи почесала в затылке.

– Ну-у... Это тоже. Но ты делаешь выводы, основываясь лишь на той информации, что получила от меня. Однако боевой маг, прежде чем принять решение, проводит всесторонние исследования, что не отменяет его мгновенной реакции на угрозу. Попробуй получше узнать это место, девонька, а я пока искупаюсь.

Она встала с камня, подошла к краю обрыва и прыгнула вниз.

Вителья в полном обалдении проводила ее взглядом, тоже подошла к краю и осторожно выглянула: далеко внизу архимагистр Никорин уже скинула одежду и вошла в ледяной поток.

Вокруг нее мыльным пузырем переливалось заклинание обогрева, ясно видимое крейской волшебнице.

«Хороша, демоница! – раздался над ухом скрипучий голос. В непосредственной близости от Ники Кипиш предпочел остаться невидимым. – Фигурка достойная богини!»

«Не подглядывай! – рассердилась Вителья и, шагнув назад, обернулась, окидывая взглядом плато. – Лучше подскажи, что делать?»

«Понятия не имею, – хихикнул божок. – Это ты у нас учишься на боевого мага... Как там она сказала? „Боевой маг, прежде чем принять решение, проводит всесторонние исследования“. Вот и займись!»

Пальцы волшебницы произвольно сжались, будто она хотела задушить несносное существо, по странной прихоти судьбы ею самой же и вызванное из небытия. Тяжело вздохнув, она вернулась к валуну, устроилась на нем и закрыла глаза, собираясь «всесторонне исследовать» окружающее пространство. «Слушать» пространство больше было свойственно целителям, нежели боевым магам. Впрочем, высшее целительское образование у Вительи было. И хотя она последний год посвятила боевому магическому искусству, о целительстве не забывала, регулярно помогая в Народной больнице имени королевы Рейвин, где бесплатно принимала пациентов, с разрешения, разумеется, главного врача, мэтра Ажадана Жданина. Эти навыки сейчас оченьгодились: Вителья диагностировала окружающее, как диагностировала бы больного человека. Спустя некоторое время она открыла глаза, потянулась и задумалась. В незапамятные времена здесь находился мощный Источник Силы. Источник, который однажды иссяк... Можно ли соотнести это знание с легендой о великане?

Если бы не самоподогрев и щит, выставленный от ветра, волшебница давно бы замерзла, несмотря на солнце, поднявшееся выше и пригревающее камень. Его лучи, вырываясь из-за облаков, падали отвесно за обрыв, словно стремились искупаться, как делала это архимагистр. Когда точеная фигурка Никорин воспарила над каменным краем, Вителья глазам своим не поверила. Прав был Кипиш – омываемая светом Ники казалась богиней. Наверное, это была ересь, но в это утро, в этом свете и под порывами этого ветра, крейская волшебница готова была вознести молитву ласурской.

– Надумала что-нибудь? – спросила архимагистр, подходя и присаживаясь рядом.

– Научите меня так... – ляпнула Вителья и смутилась.

Ники, подняв брови, смотрела на нее.

Неожиданно Вита почувствовала, что устала ее бояться.

– Научите меня левитировать! – сжав кулаки, повторила она. – Для боевого мага это очень полезное умение.

Вопреки ее ожиданиям, Никорин не рассердилась, а хмыкнула.

– Полезное умение для боевого мага – анализировать, – произнесла она. – Поэтому я жду твои выводы.

– Сотни лет назад здесь был Источник Силы, – заговорила волшебница, – очень мощный, но нестабильный. Местоположение – та полуразрушенная скала. Можно провести аналогию между ним и великаном. Местные жители, не понимающие, что находится рядом, наверняка, считали то место проклятым. Из слухов постепенно сложился миф...

Архимагистр помолчала, глядя в небо.

– Неплохо, Вителья, – наконец, сказала она. – Смотри, здесь мы видим прямую зависимость: опасность – миф или сказка, потому что в основе любого мифа или сказки лежит неизведанное, которого человек боится, поскольку его короткой жизни не хватает, чтобы понять, что оно из себя представляет... Подумай над этим. А сейчас давай-ка позанимаемся! Иди к той скале и попробуй защитить ее от меня так, как будто это люди, за которых ты отвечаешь.

Вита встала и послушно пошла в указанном направлении. Если в занятиях с архимагистром это была теория, то какова же будет практика?

Проводив Вителью до Золотой башни Дробуш Вырвиглот принялся бесцельно слоняться по улицам, глаза на открывающиеся лавки и спешащих по делам людей. Суета его утомила. Покрутив головой, он приглядел скромный трактир, из тех, в которых еда вкусная и дешевая, и зашел внутрь. Честно говоря, еда его не интересовала – он искал удобный уголок, в котором можно было примоститься, чтобы почитать увлекательнейшую книгу, попавшуюся ему на глаза, а именно Ласурский Магический кодекс. Обилие сложно произносимых и абсолютно непонятных предложений совершенно заворожило Вырвиглота, однако он решил, что раз Вита осилила их, то и у него получится.

Чтобы не показаться подозрительным среди активно жующих свои завтраки людей, Дробуш заказал яичницу и большую кружку морса. Еда его организму не требовалась – тролли получали силу от матери-земли, но к вкусу некоторых продуктов он уже успел привыкнуть, а некоторые даже полюбил. Например, морс – тот пах свободой: лесом, полем, разнотравьем... Тем, чего Вырвиглот был так долго лишен.

Когда служка принес заказ, Дробуш сдвинул поднос в сторону, водрузил на стол серьезную книгу в красной обложке с золотым тиснением – кодекс, прихваченный им вчера в Орденской библиотеке, – и углубился в чтение. Многие слова ему были неизвестны, поэтому он запоминал их, чтобы, снова попав в библиотеку, покопаться в словарях – это изобретение человечества приводило его в дикий восторг. Он так зачитался, что не замечал ничего вокруг, а между тем в трактир вошел высокий лысый бородач, огляделся, присматривая столик, и вдруг застыл, глядя на склонившегося над книгой Вырвиглота. Он смотрел на Дробуша так, словно не верил своим глазам. Так, будто встретил близкого родственника, давно пропавшего без вести.

Здоровяк сделал шаг, еще один, крикнул, сжал кулаки и решительно направился в направлении столика, за которым Дробуш наслаждался хитросплетениями юридического сленга.

– Ищу компанию, чтобы выпить! – воскликнул незнакомец, садясь напротив. – Вижу, ты добрый человек, раз книжки читаешь, а значит, выпить любишь.

– Не люблю, – ответил Вырвиглот, не поднимая глаз: бояться ему было некого, к скандалам, в отличие от Кипиша, он нежных чувств не питал.

– Я угощаю, брат, – не отставал назойливый посетитель. – Давай, соглашайся! Под хороший гномий самогон ты расскажешь мне... о мосте, под которым сидел.

Несколько мгновений Вырвиглот еще смотрел в книгу, но строк не видел. Перед глазами с неожиданной ясностью поднялся туман с реки, завихрился в опорах моста, отчего казалось, что он шевелится.

– Что ты сказал? – переспросил Дробуш, и впервые взглянул на говорившего.

Шириной плеч и груди сидящий напротив мужчина мог бы поспорить с Дикраем, однако только и это было с оборотнем общим. Черноволосый – если судить по окладистой бороде, обрамляющей лицо с грубыми, будто высеченными резцом чертами. С крупным, скульптурно слепленным лысым череп. Череп поблескивал в свете лампадки, висящей над столом. В темных глазах незнакомца ничего нельзя было прочесть. Однако в мощных руках, сейчас спокойно лежащих на столе, таилась настоящая сила, та, что позволяла легко завязывать в узел каленые железные прутья и поднимать быков.

– Ты здорово замаскировался, – подмигнул тот, – но я-то знаю, что ты самый настоящий тролль-под-мостом. И я тебе рад, брат!

Вырвиглот разглядывал незнакомца, и на его невзрачном лице не отражались никакие эмоции. Однако он всерьез раздумывал, как бы убить нахала, не поднимая паники среди окружающих. В том, что его следует убить, у Дробуша сомнений не было.

– Ой, прости! – дернул себя за бороду здоровяк. – Я не представился. Гент Мертвая голова, артист, акробат, силач и даже, если это нужно мэтру Иживолису, певец. Наш передвижной цирк колесит по всему Тикрею, а нынче мы прибыли в Вишенрог на Большой Поэтический турнир. Как ты понимаешь, стихи мы читать не собираемся, однако деньжат подзаработаем.

Дробушу пришла в голову мысль, что неплохо бы разобраться, как незнакомец догадался, что он – тролль. А потом уже убить его. Поэтому он закрыл книгу и негромко спросил:

– Откуда ты узнал?

Гент воровато огляделся, наклонился к собеседнику и произнес несколько странных слов низким рычащим голосом.

Зрачки Вырвиглота произвольно расширились. Он уже начал забывать родную речь. В один миг мысли об убийстве растворились как дым, а в сердце заплясала дикая необузданная радость от того, что он не один. Только всегдашняя осторожность да выдержка существа, долгие столетия прикованного к мосту, не позволила Дробушу вскочить и заорать.

– Я и правда рад тебе, брат, – в глазах Гента светилась искренняя теплота. – Давай все-таки выпьем гномьего самогона, ведь это единственный напиток, от которого мы пьянеем, и я расскажу тебе свою историю, а ты поделишься своей?

И Вырвиглот кивнул.

В Вишенроге вечерело.

Ощутив под ногами прохладные плиты Золотой башни, Вителья скрыла облегченный вздох. Ладно, пусть она мокрая, какмышь, волосы перепутались, руки и ноги дрожат от магического перенапряжения, но рухнуть в обморок перед Ласурским архимагистром было бы уж совсем нехорошо. А ведь Вита собиралась! Никорин подвергла ее магическим атакам такой интенсивности, какая магистру Кучину и не снилась.

– Вита, как хорошо, что я встретил тебя здесь! – раздался знакомый голос, и со скамьи для посетителей поднялся высокий светловолосый оборотень, ослепительно сверкая белозубой улыбкой – Грой Вирош Солнечный Бродяга.

Архимагистр стояла рядом с крейской волшебницей, разглядывая оборотня своими невозможными глазами с таким выражением, словно обдумывала способы его убийства.

– Твое Могущество, добрых улыбок и теплых объятий! – не выказывая никакого почтения, усмехнулся Вирош. – Позволь тебя не несколько слов? А потом мы с моей бывшей напарницей отправимся на ужин к нашим друзьям-гномам. О, нам будет, что обсудить!

Ники прищурилась и взглянула на стол, за которым заседал объемный Бруттобрут.

– Я чего-то не знаю, Брут?

– Виньогрет Охтинский избран королем Подгорного царства и Драгобужского наземья, – не отрываясь от изучения бумаг, доложил гном.

Вителья, ахнув, зажала рот ладонями. Грой взглянул на нее смеющимися глазами и протянул руку архимагистру.

– Идешь, Твое Могущество?

Ники, не отвечая, исчезла.

– Похоже, я сегодня без сладкого, – ничуть не расстроившись, констатировал Вирош и повернулся к волшебнице. – Йож с Виньо, если уже узнали, места себе не находят. Вот, думаю, зайти к ним, поддержать. Нашел бы сам их новый дом – по запаху, но раз мне подвернулась ты, проводишь?

Вита с готовностью кивнула.

– Я как раз собиралась к ним. Боги, бедная Виньо! Что-то теперь будет, а, Грой?

Тот пожал плечами и предложил ей руку.

– «Что-то» происходит всегда, Вителья! Вопрос – как к этому относиться? Идем.

Дробуш встретил их на улице. У него было странное выражение лица, на которое Вита, занятая переживаниями за Виньовинью, не обратила внимания. Втроем они дошли до нужного дома и, войдя, услышали:

– Какие последствия может иметь сей поворот судьбы для нашего с Виньо брака, други?

Задавший вопрос почтенный Йожевиж, Синих гор мастер, уныло тыкал вилкой в жаркое.

– Для брака – никаких! – воскликнул Грой, и все обернулись.

– Грой! – обрадовалась Виньо. Выглядела гномелла подавленной. – Где ты был все это время?

– Бродяжничал, – тот, войдя, поклонился хозяину дома. – Пригласишь к столу, уважаемый мастер?

– Какой я теперь мастер, подмастерье у кузнеца! – махнул рукой тот. – Но тебя бы пригласил, будь даже учеником.

Вирош засмеялся и сел рядом с Яго. Вита опустилась с другой стороны, и рука Ягорая сразу же обвила ее плечи. Они переглянулись, короткий безмолвный обмен взглядами был понятен только им двоим, однако рю Воронн чуть нахмурился, будто Вителья только что сообщила ему о проблеме.

– Ветчина! – обрадовался Дробуш.

– Руки не мыли! – вспомнил Йожевиж. – Быстро к рукомойнику!

Посмеиваясь, «хорьки» выстроились на санитарно-гигиенические процедуры.

– А в походах ты, почтенный мастер, руки мыть нас не заставлял, – шутливо возмутилась волшебница.

– В походах мы – аки звери дикие! – степенно пояснил Йож. – А под крышей – следует уважать порядок в доме.

– Правда, что ли? – раздалось со стола.

В пустом блюде из-под ветчины сидел Кипиш и довольно оглаживал округлившийся животик, с быстротой меняя личины.

– Ветчина! – загрустил Вырвиглот.

– Вот никакого порядка! – присоединился к нему Йожевиж.

– Опомнись, гноме, – басом сказал свирепый воин, – какой может быть порядок с богом Хаоса?

– Кто-то утверждал, что он еще и Абсолютный закон, а закон – всегда порядок! – Вителья совершенно по-девчоночьи показала божку язык и вернулась на свое место.

Кипиш в ответ зевнул ей в лицо наглой кошачьей мордой и почесал себя за ухом.

– Думаю, – заговорил Вирош, – вам с Виньо не нужно беспокоиться. Вы находитесь в официальном браке, заверенном по всем правилам лицом, имеющим на то полномочия. Если почтенный Цеховой старшина Виньогрет уважает законы своей страны – а он их уважает, иначе Великий Мастеровой сход никогда не выбрал бы его королем! – он не станет препятствовать вашему союзу, едва узнает о нем. Но нужно, чтобы узнал он о нем как можно быстрее!

– Я сам поеду! – стукнул кулаком по столу Йожевиж, а Виньо, ахнув, вцепилась в него так, как будто он должен был отправляться сию минуту.

– Вот уж этого точно не нужно делать, – подал голос рю Воронн, – предлагаю отправить в Драгобужье заверенную стряпчим копию вашего брачного договора, для чего задействовать диппочту. Выходы на нее у меня есть.

– Нет! – Виньо встала, удивив всех своей бледностью, и повернулась к мужу. – Прощения прошу у тебя, Йожевиж Агатский, Синих гор мастер, муж мой! Не так давно я написала отцу о нашей свадьбе и, как советует Яго, приложила заверенную копию брачного договора, о чем тебе не стала говорить. Думаю, отец уже получил письмо и еще думаю – он никогда мне этого не простит, но в покое нас оставит.

На последних словах ее голос дрогнул.

Йож растерянно смотрел на нее.

– А ты ему почему не сказала? – простодушно поинтересовался Дробуш, заменивший ветчину сыром, отчего тарелка пустела с ужасающей скоростью.

– Я думала, ты будешь против, – Виньо опустила глаза и села, – прости, Йож...

– Молодец, что отправила, – вмешался Вирош, – сам хотел предложить такой вариант, да Яго опередил. Однако вы должны быть готовы к тому, что Его Величество Виньогрет Первый может призвать вас в Драгобужье.

– Зачем? – удивился Йож.

Вирош только плечами пожал.

Разошлись далеко за полночь. Вителья шла рядом с Яго, прижималась к нему плечом, и, несмотря на беспокойство за Виньо с Йожем, ощущала, что на душе у нее хорошо. Мама была права, когда говорила: «Первый мужчина для волшебницы важнее первого учителя магии, он – тот, кто увеличит ее силу стократ, заставив воссиять негасимой звездой, или наоборот – отнимет, надолго присыпав песком пустыни!»

Дробуш топал сзади.

Яго сжал пальцы Виты:

– Переживаешь?

Она кивнула. И так ясно, о ком речь.

Рю Воронн тихо рассмеялся:

– Неожиданный поворот событий!

– Никогда не знаешь, чего ждать от этих гномов, – пробурчал из-за его спины Вырвиглот, – то ли дело тролли...

Ягорай обернулся к нему:

– Дробуш, я очень надеюсь на благоразумие нового короля! – И снова посмотрел на волшебницу: – Как прошло твоё занятие с архимагистром?

Ягорай рю Воронн от магии был далек, с волшебниками дело имел только в ходе вылазок или боевых операций. Но успехами Вительи всегда интересовался от и до, и ей это было приятно. Благодарно сжав его ладонь, она рассказала о том, как провела утро на границе с Драгобужьем. Яго слушал очень внимательно, и даже Дробуш ускорил шаг, желая лучше слышать рассказ.

– Все, что я знаю о Ники Никорин, так это то, что она ничего не делает просто так, – качнул головой рю Воронн, когда девушка замолчала. – Разговор о сказках Тикрейской земли неспроста. Ласурского архимагистра что-то беспокоит!

Вырвиглот кашлянул. Вита и Яго дружно посмотрели на него.

– Ну... – Дробуш казался смущенным и тщательно подбирал слова, – люди слабые – боятся многого. Особенно тех живых существ, что сильнее их – оборотней, богов.

– Это правда, – вздохнула Вителья, – был бы здесь Кипиш – порадовался бы твоему наблюдению.

Ягорай прислушался к ночным звукам города и констатировал:

– Его нет. А ты, Дробуш, прав – Ее Могущество связала сказки с опасностью. Если мы поймем, о чем она говорит...

Вителья и Дробуш с нетерпением следили за ним – знали, что рю Воронн обязательно что-нибудь придумает!

– Давайте представим, – заговорил Яго, – что опасность существует. Она просто есть, мы не знаем, какая, и не знаем, где ее искать. Итак, архимагистр рассказала тебе историю о Рим-

меле. Ты посредством магического анализа выявила событие, связанное с Источником Силы, которое произошло в прошлом и унесло множество человеческих жизней, и привязала его к этой истории. То есть установила наличие потенциальной опасности, опираясь на... сказку!

Волшебница пораженно смотрела на него. Логичные рассуждения Яго были созвучны ее собственным размышлениям о прошедшем уроке, вот только она никак не могла вычленить в них главное, а теперь, благодаря ласурцу, поняла.

– Думаешь, она хочет поручить мне изучать сказки Тикрейской земли, чтобы найти в них то, что может представлять опасность?..

Вителья замолчала. Мысль, только что пришедшая ей в голову, показалась безумной.

– Как ты сказал, Дробушек? – медленно спросила она. – Про слабых людей? Как ты сказал, повтори!

– Люди слабые – боятся многого. Особенно тех живых существ, что сильнее их – оборотней, богов, – послушно повторил Вырвиглот.

– Могильники! – воскликнули Вита и Яго в один голос, и посмотрели друг на друга, изумленные одновременным озарением.

– Боги... – проворчал Дробуш. В его ворчании одобрение звучало так явно, что Вителья с удивлением спросила:

– Ты рад тому, что архимагистр Никорин идет против старых богов, Дробуш? Но почему? Ведь они – из твоего времени.

Рю Воронн неожиданно шагнул вперед, закрывая девушку собой и пристально глядя в наливающиеся мрачным красным светом глаза Вырвиглота.

– Дробуш! – произнес он успокаивающим тоном. – Дробуш, что происходит?

Костлявый мастеровой, в виде которого ходил по улицам города бывший тролль-подмостом, развернулся и порысил в узкий проход между домами. Яго и Вита, переглянувшись, бросились за ним, но он бежал слишком быстро. Когда они выскочили на задний двор, Вырвиглот уже ломал какой-то старый сарай – с остервенением, молча. Бил в стену наотмашь, заставляя ее оседать у его ног, а крышу – обваливаться внутрь, поднимая тучи пыли.

Когда здание было полностью разрушено, тролль обернулся. Красный огонь в его глазах угасал, на лицо возвращалось обычное глуповато-спокойное выражение.

Вителья решительно шагнула вперед, взяла его за руку и спросила, взволнованно заглядывая в глаза:

– Дробушек, что случилось? Что с тобой?

– Боги... – с трудом произнес тот. Казалось, ему хотелось рычать, а не говорить. – Я никогда не говорил почему... Почему мы сидим под мостами... или у горных перевалов... у переправ... на перекрестках... Сидим, и не можем уйти!

Ягорай остановился рядом с Витой.

– В этом виноваты боги? – спросил он. – Да?

– Да! – все-таки рыкнул Вырвиглот, после чего виновато посмотрел на Вителью. – Прости! Я напугал!

– Ничего страшного, – улыбнулась она. – Только успокойся, прошу тебя!

– Спокоен, – мрачно уверил тролль.

– Почему так вышло? – Яго хотел знать все до конца. – Вы были наказаны? За что?

Дробуш отрицательно качнул головой.

– Не наказаны... Обезврежены. Старые боги хотели использовать нас в качестве оружия друг против друга, когда начали войну. Для этого обманом заманили в ловушку и заточили на долгие годы нашего создателя... Они надеялись, что без него мы станем покорны. Но мы не стали! И тогда они наложили заклятье, которое привязало каждого из нас к тому месту, где нашло. Делая нас рабами этого места. Рабами мостов, горных перевалов, переправ, перекрестков... Ты, Вита, смогла разгадать тайну заклятья: нет места, нет цепей. Ты!

Волшебнице показалось, что в глазах Вырвиглода блеснули слезы. Она судорожно вздохнула и обняла его, длинного, нескладного, ощущая, что тролль-под-мостом в этот миг стал для нее чем-то большим, чем друг.

Ягорай хлопнул его по плечу.

– Ты молодец, парень, что рассказал нам об этом! Но домик все-таки не стоило ломать.

– У-у-у! – поморщился Дробуш. – Надо быстро уходить!

– Точно! – повеселела Вителья и, взяв их обоих за руки, приказала. – Бежим!

Архимагистр занималась с Витой почти каждый день, заставляя ее доводить до автоматизма владение истинной Силой и тренируя выдержку. Однако разговора о сказках Тикрейской земли больше не заводила, и Вителья решила, что Ники передумала.

Между тем в Вишенрог прокралась весна. Растопила снег, обнажая влажную черную землю, покрасила кору молодых ветвей в зелень, хотя почки еще не набухли, наигрывала мелодичной капелью жизнеутверждающие мелодии.

Йожевиж уходил на работу затемно, когда Виньо еще спала. После того, как мэтр Райдо Оживалов, легендарный преподаватель «Теории целительства», обратил на сообразительную и усердную гномеллу внимание, учиться ей стало сложнее, но она, стиснув зубы, терпела. Ставка была высока – после одной из лекций вызвав студентку Агатскую, мэтр Оживалов сообщил, что она его заинтересовала и коли не разочарует, может рассчитывать на ординатуру у него после прохождения основного курса. Виньо тогда прибежала домой такая радостная, словно вышла замуж за Йожа еще раз.

Супруга порывалась кормить гнома завтраками, но он видел, что она полночи проводит за книгами. Потому не будил по утрам, давая выспаться. Виньо сердилась, Йош тоже, и в конце концов они нашли компромисс: она стала собирать завтрак с вечера с тем, чтобы Йожевиж только подогрел его.

Почтенному Синих гор мастеру нравились предрассветные часы покоя. Неторопливые сборы на работу, по которым он, честно говоря, соскучился. Уютное сопение Виньовиньи, доносящееся из спальни. Крики петухов с улицы, утренние переключки городской стражи. Иногда он просто стоял у окна, покуривая трубку, и боялся спугнуть ощущение тихого счастья, наполнявшее его сердце. И тогда приключения «хорьков» казались сном, странным сном, иногда смешным, иногда пугающим. Сном, в котором не было ничего реального, кроме друзей.

Архимагистр не забыла, как не забывала ничего!

Вителья смотрела в холодные глаза Ники Никорин и думала о том, что лед в их глубине никто и ничто не сможет растопить. Ники была здесь – и там. В этом времени – и в каком-то другом. Она казалась молодой и прекрасной, но прожитые годы стали тем пластом льда, что смерзся на дне ее зрачков.

– У тебя было достаточно времени, Вителья, чтобы обдумать то, о чем мы говорили на первом уроке, – архимагистр снова перевела взгляд на лежащие на столе бумаги. Над некоторыми следовал легкий взмах пера, другие просто летели в дальний угол стола, сами собой укладываясь в стопку. – Мне хотелось бы знать, к каким выводам ты пришла?

«Если Ее Могущество спросит тебя о твоих мыслях – ответь, – наставлял Яго. – Ты знаешь об опасностях для Тикрея больше, чем кто-либо другой на Тикрее, однако, наверняка, меньше самой Никорин. Поэтому будь честной. Но никогда не открывай все карты тому, кто опытнее тебя!»

– Самые известные сказки Тикрея скрывают указания на места, потенциально опасные для людей, – отрапортовала Вителья, будто доклад читала. – Мне кажется, вы хотите, чтобы я их установила. Составила список.

Перо на мгновение зависло над очередной бумагой. Ники хмыкнула.

– А если я скажу тебе, что список я уже составила, но он требует проверки на местах?

Вита еще не успела осознать услышанное, а перед глазами уже взметнулся лесной полог, а из-под ног убегала в глушь тропинка, и ветер шумел в кронах, и потрескивал костер, на котором грелся в походном котелке ароматный морс.

– Я согласна! – выпалила она.

– Ты неисправима, Вителья, – рассмеялась архимагистр, бросая перо. – Мы столько времени потратили на то, чтобы научить тебя не принимать скоропалительных решений, но стоило только заикнуться о приключениях и опасностях, и у тебя глаза горят, как у кошки, почувшей мышь! Ты для начала спросила бы, какие именно опасности тебя будут ждать?

Вита пожала плечами.

– Я адептка Ордена Рассветного Лезвия, Ваше Могущество, боевого ордена. Я готова выполнять любые ваши приказы.

– Так уж и любые? – мурлыкнула Никорин, все-таки вогнав волшебницу в краску. Архимагистр встала и прошлась по комнате. – Ты уже столкнулась с этой опасностью, когда бежала из Крей-Лималля. Ты и твои спутники.

– Могильники? – спросила Вителья, хотя прекрасно знала ответ.

– Будь они неладны! – буркнула Ники. – Найденный вами больше никому не угрожает, но, к сожалению, на Тикрее остались другие. Предполагаю, что их немного, однако они опасны не только для людей, но и для представителей других рас. Вспомни несчастных эльфов, у которых их любимый бог Гопотамкин высасывал жизненную силу, чтобы поддержать свою? Если бы не твоя жертва, которую они, кстати, до сих пор не оценили, их ждало бы полное вырождение! Сами о том не подозревая, ты и твои друзья создали магический прецедент, ясно показав, что даже то, что кануло во тьму веков, может представлять опасность и до сих пор. И я... – Никорин обернулась к Вителье, – ...я хочу их уничтожить!

Глаза архимагистра светились, словно она была фаргой, а не человеком. По коже Виты побежали мурашки, но не от этого свечения – от смысла слов беловолосой волшебницы. Ники Никорин, говоря об уничтожении могильников, подразумевала... уничтожение могильников!

– Вы сможете это сделать? – пробормотала Вита. – Уничтожить их все?

– Моего опыта на это хватит, – спокойно кивнула архимагистр. – Но у меня нет времени прыгать по Тикрею в их поисках. Тучи сгущаются – я не хочу надолго покидать Вишенрог. Ваша команда однажды обнаружила захоронение богов при том, что шансов на подобное стечение обстоятельств для смертных практически не существует. Так почему бы мне не воспользоваться вашей удачей и снова не собрать «Ласурскую бригаду»?

– Действительно... – пробормотала Вита.

В золотых глазах Григо Хризопраза отражался великолепный розовый бутон. Лаская пальцами его лепестки, нежно, почти не касаясь, мужчина проговорил:

– Аромат розы – это искушение в чистом виде, не так ли?

Босая женщина в белом платье, с распущенными волосами сидела на скамейке, образованной хитрым сплетением ветвей кустарника. И смотрела вдаль. Ветерок ласкал ее обнаженные руки и плечи, почтительно касался края белоснежного одеяния.

– Искушение выдумал Аркаеш, – не поворачивая головы, ответила она. – Он вообще много чего выдумал – грех, чувство вины, несбывшиеся надежды, предательство...

– Да ладно! – Григо вернулся в беседку, напоследок качнув головку цветка. – Если кто и выдумал предательство, то не он один. Тебе ли этого не знать, моя госпожа?

Она кивнула с отсутствующим видом. Он взял ее руку и поднес к губам.

– Отчего ты печалишься, Индари? Тебя беспокоит судьба Ласурии?

Черноволосая повернулась и посмотрела на него. На прекрасном лице глаза, в которых не было радужки, но плавали радужные пятна, казались глазами другого существа – чуждого, далекого.

– Меня беспокоит судьба Тикрея, мой Турмалин, – ответила она, и в голосе зазвенели серебряные колокольчики. – Я ощущаю нависшую над ним злую волю, волю настолько жестокую, что сама готова отступить.

Зрачки Григо расширились.

– Но ты не можешь, моя госпожа! – вскричал он. – Ты – надежда и свет Тикрея, и всех живущих! Если сдашься ты – все, ради чего ты жила тысячи лет, все, что оберегала, исчезнет, пропадет, истает в дым, как истаял наш мир – мир до Вечной ночи!

Она грустно улыбнулась.

– Я это знаю. Поэтому не стану мешать Ласурскому архимагистру в том, что она задумала. Но и помогать не буду – не смогу переступить через себя, участвуя в поругании могил братьев и сестер.

Турмалин пробормотал:

– Думаешь, Никорин много на себя берет?

Черноволосая пожала плечами.

– Она верит в себя – как верили мы, пока не поубивали друг друга, как верили в себя драконы, пока не были уничтожены в ходе нашей войны, и как до сих пор верят эльфы, не понимая, что давно не имеют на то никаких оснований. Вера в себя, возведенная в категорию абсолюта, есть признак божественности... – она лукаво улыбнулась, показывая, что на самом деле обратила внимание на его слова ранее: – Тебе ли этого не знать, мой Турмалин?

– Ты думаешь, она?.. – Григо потрясенно замолчал.

– Пока я думаю, что не буду мешать ей, только и всего, – пожала плечами черноволосая. – Но мне нужно придумать что-то, чтобы удержать обитателей Тикрея от разобщения в грядущее время. Время, которое уже близко.

Турмалин насторожился. Спустя мгновение огромный дракон висел в воздухе, прикрывая мощным телом беседку от летящего в ее сторону небольшого предмета. Когтистая лапа совершила молниеносное движение, ловя его... Золотой глаз древнего гиганта с изумлением уставился на искусно вырезанную из камня скульптуру: строящийся дом.

Черноволосая требовательно протянула руку, и дракон осторожно уронил фигурку в ее маленькую ладонь. И спросил, вновь становясь статным мужчиной с глазами странного, золотисто-карего цвета:

– Что это?

Черноволосая рассмеялась.

– Это послание, мой Турмалин! Ну конечно... Как я сама не додумалась?

– О чем? – в голосе Григо звучало искреннее недоумение.

– Созидание, вот что нужно! – воскликнула Индари. – Любой попытается защитить то, что создал своими руками. А если руки будут со всего Тикрея?

На памяти Ники она вызывала Его Величества Редьярда Третьего посредством зеркала связи всего несколько раз, поскольку обычно это делал он в ее отношении. И сейчас архимагистр задумчиво обводила длинным пальцем самоцветы, щедро усыпавшие рамку, проговари-

вая про себя тщательно подобранные слова. А затем решительно повернула зеркало к себе: в отражении появились знакомая драпировка стен королевского кабинета, угол массивного стола и рука Его Величества, держащая хрустальную стопку, доверху наполненную прозрачной, как слеза, жидкостью.

– Добрых улыбок и теплых объятий, мой король, – произнесла Ники. – Поговорить бы! Стопка в королевской длани дрогнула.

– В очередь, Ваше Могущество, в очередь! – раздался мерзкий голос Дрюни Великолепного. – Мы очень заняты с самого утра!

Зеркало переместило точку обзора, показывая лицо Редьярда. В синих глазах ласурского правителя зарождалась тревога.

– Что-то случилось, Ники? – уточнил он. – Обычно ты не...

– Пока нет, – перебила она, – но может. И это вам не понравится!

Неопорожненная стопка уныло стукнула по столешнице. Разбуженный стуком, сонно гавкнул волкодав Стремительный.

– Приходи, – выдохнул Его Величество.

Архимагистр шагнула из своего кабинета прямо в королевский и, не дожидаясь приглашения, села в третье, – пустующее – кресло. Шут, напротив, торопливо встал и сделал попытку улизнуть.

– Куда? – рявкнул Редьярд. – Сиди. Если я не ошибаюсь, нас ждут дурные вести, и я не хочу слушать их в одиночестве!

Пес, валяющийся у камина на медвежьей шкуре, тягостно вздохнул и перевернулся на другой бок, всем своим видом показывая, что до дурных вестей архимагистра ему нет никакого дела.

Вздохнув не менее тягостно, Дрюня вернулся в кресло.

Его Величество впервые посмотрел на Ники и поинтересовался:

– Позвать кого-нибудь еще?

– События, о которых я хочу поговорить, могут произойти в будущем, но далеком или не очень, понятия не имею, – пожала плечами волшебница. – Было бы неплохо, если бы наследник престола тоже послушал...

– Хочешь сказать, ты не уверена в том, что собираешься сообщить? – нехорошим голосом спросил Редьярд.

Ники почувствовала, что король начинает заводить. Тем не менее, она кивнула:

– Совсем не уверена! Более того, я всем сердцем надеюсь, что этого никогда не случится. Но именно ради этого хочу принять меры заранее, с вашего, разумеется, высочайшего позволения.

– Может, я все-таки пойду? – пискнул Дрюня.

Редьярд раздраженно вдавил перстень с выпуклым радужником в столешницу. Спустя мгновение Его Высочество Аркей стоял в кабинете, держа в одной руке какой-то документ, а в другой – перо, с которого на ковер капали чернила.

– Что-то случилось? – уточнил он, кладя документ на стол, а перо – на подставку отцовского канцелярского набора.

– Садитесь, Ваше Высочество, – Дрюня вылез из кресла, перешел к камину, упал на шкуру рядом с волкодавом и пробормотал едва слышно: – Ей-ей, я лучше посплю, чем послушаю то, что хочет сказать Ее Могущество!

– Может быть, нам нужен рю Вилль? – в голосе короля послышались деловые нотки – он справился с минутным раздражением, начиная понимать всю серьезность положения.

– Его Светлость в курсе деталей, – качнула головой Ники. – Ваше Величество, вы позволите мне экскурс в историю?

– В какую еще историю? – пробурчал Редьярд и опрокинул в себя почти забытую стопку.

– В мою собственную историю... – сказала Ники таким странным голосом, что он подавился, закашлялся и замахал рукой, давая согласие.

– Это случилось много лет назад, когда я работала подавашкой в портовом трактире...

Она знала, что рано или поздно ей придется рассказать о своем настоящем прошлом одному из Ласурских королей. И, честно говоря, была рада, что этим королем оказался Рэд. Присутствие старшего принца тоже не смущало – архимагистр возлагала на него надежды, как на наследника престола, поэтому хотела, чтобы он был готов к будущему. Причем своему возможному будущему в качестве правителя Ласурии. Что же касается шута, то она обращала на него внимания не больше, чем на Стрему, прекрасно зная, что, как и волкодав, Дрюня будет молчать о том, что услышит.

От юности корабельного юнги, вместе со своим капитаном попавшего в могильник, Ники перешла к истории королевского эмиссара Ягорая рю Воронна и крейской беглянки Вительи Таркан ан Денец, от них – собственно к прошлому Тикрея, тому прошлому, о котором слыхом не слыхивали маститые историки. И только после этого рассказала о допросе отступника в застенках королевского дворца, который закончился для самого допрашиваемого весьма печально.

Рассказывая, волшебница ощущала взгляды собеседников прошивающими ее клинками. Хотя воображение подбрасывало иную картину – кроликов, замерших перед удавом.

Они начинали понимать...

Не отводя взгляда от Редьярда, краем глаза архимагистр следила за реакцией принца. Когда-то она уже поведала ему историю Яго и Виты, очутившихся в могильнике на границе с Креем, и обрисовала перспективы, которые это событие могло иметь для всего Тикрея. Вспомнил ли Аркей сейчас об этом? Хотя принц на нее не смотрел, Ники знала, что вспомнил. Да, Его Высочество прикрыл воспаленные от долгого сидения над бумагами веки и даже, кажется, задремал, откинув голову на спинку кресла, но несмотря на кажущееся спокойствие, он был готов к бою за свою страну, когда бы этот бой ни начался. И это Никорин нравилось.

Она замолчала. Кажется, сказала все, что была должна.

В кабинете повисла тягостная пауза. Было слышно только частое дыхание. Дыхание Дрюни, обнявшего пса за мощную шею так, словно Стрема мог спасти его и весь мир.

– Арк, резюмируй, – прокашлявшись, приказал король.

Принц открыл глаза, поднялся и прошелся по кабинету, затем обернулся к столу и про-
бормотал:

– Надеюсь, это не прозвучит, как бред...

– Громче! – рявкнул Редьярд.

– Кому-то из погибших богов удалось вернуться из небытия, и теперь он несет опасность всему Тикрею. Ее Могущество не знает, кто он и – с ее слов – пока! – как с этим справиться, но дабы не допустить повторения случившегося, она предлагает выявить и уничтожить оставшиеся могильники, используя ту же команду, что и в Крей-Лималле...

– ...С небольшими изменениями, – едва слышно подсказала Ники.

– ...С небольшими изменениями, – не моргнув глазом, добавил Аркей.

– Пресветлая!.. – простонал Дрюня, зарываясь лицом в собачью шерсть. – И почему я не ушел?

Его Величество решительно выдвинул один из ящичков стола, достал штоф запрещенной им несколько лет назад ласуровки и принялся пить прямо из горла. Когда штоф опустел наполовину, он осторожно поставил его назад, закрыл ящик, посмотрел на архимагистра абсолютно трезвым взглядом и сказал:

– Иди, мне нужно подумать!

Никорин встала, поклонилась и молча вышла.

Редьярд взглянул на сына и повторил:

– Иди, мне нужно подумать.

Принц Аркей кивнул и тоже покинул кабинет. Стрема, проводив его задумчивым взглядом, уронил голову на шкуру перед зажженным камином. В открытое окно ветер приносил запахи с улицы, поэтому даже если пес спал, его большой кожаный нос шевелился, живя самостоятельной жизнью.

– Вот это опара, так опара, – простонал Дрюня. – Что-то мне страшно, братец...

В окно влетела вялая весенняя муха. Покружила под потолком, примерилась сесть на Стремин нос, но нос был против, поэтому она опустилась на стол перед бездвижно сидящим королем. Спустя мгновение королевская длань превратила ее в воспоминание.

– Вот так и мы, – вытирая руку о платок, произнес Его Величество, – для Богов.

Закрыв за спиной тяжелую дверь служебной мастерской, инженер Рофельхаарт, несмотря на молодые для гнома годы уже Синих гор мастер, облегченно выдохнул. Он был благодарен тем друзьям и коллегам, кто с некоторых пор не смотрел на него как на чудо невиданное, однако взгляды остальных смущали.

Она лежала на столе, и была прекрасна: великолепная драгобужская сталь, плавные обводы, стремительные линии. Каждый раз, глядя на нее, Рофельхаарт удивлялся, что это сделал он. Он сам. Из запутанных очертаний на бумаге, которые мастер рисовал в минуты задумчивости, родился образ, подвергнутый скрупулезному анализу. Идея казалась совершенно безумной, но он подумал: «А почему бы и нет?», и начал колдовать над этой вещью в свободное от основной работы время. То, что получилось в итоге, должно было изменить все...

Рофельхаарт насторожился. За дверью послышался гул, взволнованные голоса, тяжелая поступь. Торусова плешь, к чему бы?

Гном едва успел накрыть свое изобретение кожаным мастеровым передником, висевшим на спинке стула, как дверь распахнулась... На пороге стоял, озирая помещение грозным взглядом голубых глаз король Подгорного царства и Драгобужского наземья Виньогрет Первый. Отец.

Рофельхаарт спохватился и склонился в почтительном поклоне.

Его Величество закрыл за собой дверь и... облегченно вздохнул.

– Иди сюда, Роф, дай обниму! – проворчал он, сам подходя к сыну и раскрывая объятия. – Мне кажется, я уже забыл, что такое не быть королем!

Они обнялись.

– Хоть посмотрю на тебя! – воскликнул Виньогрет. – Чтой-то похудел? Случилось что?

Рофельхаарт улыбнулся. Проявление заботы со стороны сурового отца было неожиданно приятно.

– Все хорошо, Ваше Подгорное Величество, благодарю вас! – отрапортовал он, вытягиваясь в струнку.

Виньогрет дал сыну затрещину, от которой тот покачнулся.

– Не смей так говорить со мной... наедине! – рявкнул он. – Или я совсем того... с катушек съеду. Дома мы, как и прежде – отец и сын, ясно?

– Ясно... – Рофельхаарт потер затылок. – Отец, я ужасно рад тебя видеть! Надеюсь, ты пребываешь в добром здравии?

– Здравия у меня сколько угодно, – Виньогрет прошел к столу и опустился в кресло для посетителей, – а вот времени ни на что не хватает. Чем занимаешься?

Сердце Рофельхаарта призывно стукнуло. Он украдкой взглянул на передник, прикрывающий самое дорогое, что сейчас было в его жизни.

Его Величество поднял мохнатые брови и с любопытством спросил:

– Что там, Роф? Что ты опять придумал?

Дрогнувшей от волнения рукой младший Охтинский откинул покрывало и провозгласил:

– Малопушка, отец, мое последнее изобретение!

Глаза Виньогрета вспыхнули: как и всякий уважающий себя мастер он обожал новые механизмы.

– Можно посмотреть? – вежливо спросил он. Рабочий стол для гнома – святое, негоже лазить по нему шахтовой крысой без спроса.

– Конечно.

Подгорное величество сграбастал малопушку за дуло, постучал рукоятью по краю стола и произнес:

– Красивый молоток! А что он делает?

Рофельхаарт поспешил отобрать у него механизм и, оглянувшись на двери мастерской, отчего-то шепотом сказал:

– Я хотел бы продемонстрировать тебе это, но нам нужен самый отдаленный штрек, в котором с высокой вероятностью не случится обвала.

– Даже так? – Виньогрет был заинтригован. – У тебя есть такой на примете? Далеко дотуда?

– Ну... – сын смущенно огладил рыжую, как у всех Охтинских, бороду. – Твоей свите придется подождать...

– А и подождут! – развеселился Его Подгорное Величество, подошел к двери, приоткрыл и гаркнул: – Никому меня не беспокоить!

После чего обернулся к Рофельхаарту.

– Идем в твой штрек, сын! Насколько я помню, у тебя из мастерской наружу ведет пара потайных коридоров.

Сын внимательно посмотрел на него и вдруг поклонился:

– Для подгорного народа честь иметь короля, который помнит о мелочах! – воскликнул он. – Идем, отец!

Деревья покрыла красноватая дымка нераскрывшихся почек, и Вишенрог задышал в полную силу. Пахло соками пробуждающейся земли, теплым ветром из Гаракена. Газоны были покрыты дикорастущими маргаритками – белыми, розовыми, коралловыми, – которые поворачивали аккуратные головки за ярким прибрежным солнцем.

Весенние ароматы кружили головы людям, заставляя делать глупости, а что уж говорить об оборотнях? Среди лежащих близ Вишенрога лесов это время принадлежало им, детям разных кланов. В период весеннего гона оборотни почти не охотились, занятые друг другом, чем по хитрой задумке Богов обеспечивали прирост дичи, поскольку весна и лесных обитателей повязала красной нитью инстинкта продолжения рода.

Тариша и Дикрай выбрали в качестве убежища чащу в холмах на северо-востоке, где провели несколько дней в уединении и неге, подолгу занимаясь любовью и отдыхая в развалинах старинной крепости, почти скрытой разросшимися растениями. Впервые на памяти Денеша его желтоглазая фарга была тиха и нежна, а не иронична и стервозна, как обычно. Несколько раз он порывался спросить у нее, что стало тому причиной, но каждый раз передумывал, боясь спугнуть романтическое настроение. Эта Тариша была для него непривычной, но очень привлекательной. Когда настало время возвращаться в Вишенрог, тигрица подарила ему такую страстную ночь, что Дикрай, ощутивший себя на седьмом небе от счастья и удовлетворения, просто вырубился в ее объятиях, не заметив, каким лихорадочным блеском вспыхнули ее глаза.

В наступившей тишине предрассветного часа фарга баюкала партнера, который уснул, положив голову к ней на колени, гладила по длинным белым волосам, перебирала пряди, и в осторожных движениях ее сильных пальцев ощущалось какое-то важное, принятое ей решение. Вот она встрепенулась, осторожно выскользнула из-под Денеша, обернулась и желтой каплей уткнулась вниз по холму. Туда, откуда едва-едва доносился приближающийся запах. Чужой и опасный.

Пришедший с Севера был из медвежьего клана. Тариша сразу поняла это по тяжелой грации, с которой незнакомец спешил с крепкого конька – путешествовал, изображая бродячего торговца. Его небольшие темные глаза требовательно уставились на фаргу. В низком голосе таилась скрытая сила.

– Где он? Где избранный?

– Перед тобой, – спокойно сказала Виден. – Это я.

– Но мне говорили о другом!

Она прищурилась.

– Твоя задача – укусить того, кто еще не заражен, и не раздумывать над тем, кто это будет. Выполняй и проваливай!

Медведь шагнул к ней, его ноздри подрагивали, он одновременно угрожал ей и проверял, говорит ли она правду. Тариша не отшатнулась. Лишь раздраженно дернула головой, позволяя спастись капюшону плаща.

Пришедший с Севера остановился, будто налетел на невидимую преграду. Выражение его глаз изменилось.

– Ты права, сестра, соглашаясь на это... – тихо сказал он. – Тебе станет лучше, когда ты отведаешь ИХ крови!

– Я знаю, – легко улыбнулась Тариша. С сердца будто камень свалился. Камень, который положил на него Ашрам, когда отдал приказ чужим, пугающим голосом. – Давай!

Она рванула ткань, обнажая левое плечо, отвернулась и прикрыла веки. Не потому что боялась укуса. Потому что хотела, чтобы ни свет, ни звуки не мешали ей сосредоточиться на нем.

В лицо пахнуло дыханием зверя. Низкое ворчание всполошило утренних птиц, только начавших петь солнцу, и они замолчали. Горячий язык коснулся кожи Тариши, и она едва не застонала от ощущения, что все верно, все так, как задумано... кем-то. Укус был мгновенным и глубоким. По коже заструилась горячая кровь. Узаморский гризли, стоя вплотную, тяжело дышал, катая на языке сладкую жидкость. Заглянув в его глаза, полные предвкушения, фарга предупреждающе зарычала, обернулась тигрицей, прыгнула в сторону и припустила вверх по склону.

Пришедший с Севера с сожалением рыкнул ей вслед. Ее кровь была приятна на вкус. Но не так приятна, как кровь тех, к кому вели его болезнь и... чужая могущественная воля.

Не доходя до рожи, Тариша остановиласьлизать рану. Рана саднила, но фарга все равно полезла в ручей – смыть с себя запах чужака. Дикраю она наплетет что-нибудь, например, проголодалась после любви, охотилась, поранилась. Или поцелуем прервет его вопрос.

Главное, что...

Тариша приложила здоровую руку к сердцу и прислушалась к отголоску того чувства, что, как она думала, никогда не вернется.

Впервые в жизни Йожевиж Агатский, Синих гор мастер, растерялся настолько, что утратил дар речи.

– Ваше рабочее место, уважаемый мастер, – седой широкоплечий гном умело скрыл улыбку, вызванную выражением лица новичка, и обвел рукой малюсенький кабинет без окон, в котором стояли стол, стул и два шкафа. – Это свитки, до которых у меня никак не дойдут руки. Их надобно разделить по темам, согласно формуляру, описать и подготовить для сдачи в архив. Справитесь?

Йож зачем-то взглянул на свои ладони. Ладони были мастеровые – широкие, мозолистые, особенно после работы в кузне почтенного Хлопблехеля. Свитки же казались бабочками, настолько хрупкими, что тронь их – рассыпятся. Спohватившись, гном поклонился Первому секретарю Драгобужского посольства в Вишенроге, Застылу Венскому, Синих гор мастеру, и честно ответил:

– Я очень постараюсь!

– Второй завтрак в полдень, обед – в три, – глаза пожилого гнома смеялись. – Посольство работает до тех пор, покуда нас не отпустит Его Сиятельство посол Арбиддон Снежский. Ежели с вами после обеда случится голод, уважаемый мастер, у нас тут есть и погреба, и кухня. Наша кухарка будет счастлива принести вам пару свиных ножек в пиве и жареных грибов.

– Вы хорошо устроились, почтенный мастер, – усмехнулся Йож. – После дня такой работы надобно пару дней помахать киркой в шахте, дабы размяться!

Застыл даже не думал обижаться.

– Говорите, говорите, уважаемый Йожевиж, – ухмыльнулся он в бороду. – Я загляну к вам во время второго завтрака и проверю, как вы себя ощущаете на новом месте.

Йож кивнул, поклонился и повернулся к столу. Решил пока не садиться на стул, даже несмотря на то, что тот – дубовый, солидный, с обитым коричневым бархатом сидением, обшитым золотыми кистями – выглядел очень удобным. Вначале надобно было понять, с какой стороны подступиться к столу, и с какого свитка начать, дабы остальные не сверзнулись на пол. Но, к ужасу гнома, свитки, злобно шелестя, поползли со столешницы, едва он взял самый верхний. Йож с надеждой оглянулся на дверь, закрывшуюся за Венским, однако та стояла непоколебимо. На миг показалось почтенному мастеру, что он попал в тюрьму, и эта работа – изысканная месть Цехового старшины Виньогрета за побег дочери. Но он поспешил себя устыдить – негоже гному Синих гор сомневаться в приказах своего короля!

– Хусним! – решительно воскликнул Йож и смахнул оставшиеся свитки на пол, оставив стол девственно чистым.

Спустя три часа в комнате находились сильно взмокший гном и четыре кучи свитков: документы о получении гномами, которые по разным причинам не могли сделать этого на родине, Драгобужского гражданства, акты гражданского состояния, посольские отчеты и свитки, которые Йожевиж пока не знал, куда определить.

Заглянув в ящики своего стола, он нашел несколько grossбухов, канцелярский набор, скромно украшенный агатом и без позолоты, чистые свитки. Честно говоря, писать Йожевиж не любил. Однако черты характера – усидчивость, скрупулезность, аккуратность – те самые, что когда-то сделали из него первоклассного мастера-ювелира, пригодились и сейчас. К первому завтраку Йож успел переписать одну из куч свитков каллиграфическим почерком в книгу, начатую предшественником.

Появившийся в дверях Первый секретарь, оглядев «рабочую обстановку», ничего не сказал на ее счет, лишь пригласил коллегу позавтракать.

Завтрак оказался хорош: вкусен, питателен, в меру сытен. За общим столом собрался весь коллектив посольства – начиная от второго лица в посольстве, секретаря-советника, очень пожилого гнома, который ел мало и еще больше молчал, и заканчивая кухаркой – веселой гномеллой в летах Асканьей Венской, оказавшейся почтенной супругой уже знакомого Йожу секретаря.

Гномы кушали, иногда переговаривались о делах, на новенького не смотрели, дабы не смущать. Йож, оценивший здешнюю кухню, помалкивал, жевал обстоятельно, как полагается уважающему себя гному, и внимательно слушал. В прошлом остались те времена, когда он чему-то учился. Последние годы он все больше бегал зайцем по просторам Тикрея, размахивая топором и боясь потерять Виньо. Нынче же следовало приложить все возможные усилия, чтобы начать понимать хотя бы половину из тех разговоров, что вели посольские.

После обеда Застыл провел с Йожем пару часов, показывая, как правильно заполнять бланки документов, в какие отчетные книги их вносить, рассказывая о посольстве и наиболее важных посольских делах. Остаток дня Йож просидел над свитками, раскладывая их в хронологическом порядке, описывая и упаковывая в архивные короба. Работа казалась не сложной, но к вечеру утомила почтенного мастера так, что у него едва хватило сил попрощаться с коллегами, покидая посольство.

Выйдя на улицу, Йожевиж с наслаждением вдохнул пахнувший весной воздух и украдкой погрозил кулаком в сторону Драгобужья. «Ежели вы, почтенный Виньогрет Охтинский, ждете, что я сдамся, попрошусь в отставку и тем самым явлю свою слабость, то вы сильно ошибаетесь, Ваше Величество! – подумал он. – Мы, Агатские, трудностей не боимся, даже бумажных! Я был прекрасным ювелиром, отличным контрабандистом и хорошим подмастерьем у кузнеца, а значит, быть мне первоклассным бюрократом. Так-то!»

Почки на деревьях лопнули одновременно, и Вишенрог покрылся зеленоватой дымкой, будто скрывая под вуалью разгоряченное лицо. Вечером того же дня был объявлен Весенний бал, который отрывал череду столичных празднеств и увеселений, в том числе Большой Поэтический турнир.

В разгар бала разгоряченная танцами Вителья стояла у открытого окна и любовалась звездами. Они еще не были крупными и яркими – летними, но весенние созвездия отличались своей прелестью, кутались в легкую облачную дымку, приносимую ветром с моря.

– Не замерзла?

Теплые ладони накрыли ее обнаженные плечи.

Вита улыбнулась и откинулась на широкую грудь своего спутника. Не поворачивая головы, ответила:

– Нет!

– Я принес два бокала розового гаракенского. Прошлогоднее, хорошее...

Волшебница развернулась:

– Хочешь меня напоить?

Ягорай рю Воронн улыбнулся.

– А это возможно?

Улыбка необычайно шла его суровому и мрачному лицу, делая совсем другим. Вита обожала эту перемену. Обожала видеть, как в глубине загадочных, почти черных глаз загораются теплые искры, как появляются в углах рта смешливые морщинки. В последнее время она жила Ягораем, не понимая, как раньше могла дышать без него. И чувствовала, что и он ощущает то же самое.

Поставив бокалы на подоконник, рю Воронн привлек волшебницу к себе и поцеловал, не обращая внимания на окружающих. Девушка, отвечая на поцелуй, оглаживала ладонями его спину, плечи, руки... Прикосновение к своему мужчине доставляло ей огромное удовольствие. Каждый раз, оказываясь наедине с ним, она удивлялась тому, как быстро загорается страстью в его объятиях. Однажды даже сказала ему об этом, намекая на то, что он искусен в любви оттого, что опытен. Яго долго смеялся, а потом ответил:

– Солнышко мое, мне лестно твое мнение, но, поверь, я – обычный мужчина с самым обычным опытом любовных отношений. Просто ты создана для меня... Моя женщина!

– А ты – мой! – тогда прошептала она, отдаваясь на волю его ласк.

Да, Яго принадлежал ей. Впервые в своей жизни Вителья чувствовала, что ее сердце стало целым, будто до этого в нем отсутствовал фрагмент. Впервые в жизни просто наслаждалась ей, не думая о будущем.

– Кажется, вино останется не выпитым... – пробормотал Ягорай, все теснее прижимая девушку к себе.

– Нет! – воскликнула волшебница. Вывернувшись, смеясь, подхватила бокал, сделала порядочный глоток и призналась:

– Знаешь, я еще ни разу не напивалась!

Рю Воронн поднял брови:

– Что, совсем никогда?

– Совсем! Никогда!

– А в Грапатуке?

– Фу, какой! – возмутилась Вителья. – Я училась! На двух факультетах, между прочим!

– Выпьем за это? – блеснул глазами Яго, беря свой бокал.

Она шлепнула его по руке.

– Все-таки ты хочешь меня напоить!

– Конечно, особенно после твоего признания! – засмеялся тот.

– Развлекаетесь? – раздался позади них знакомый голос.

Они обернулись.

Архимагистр Никорин с непонятным выражением разглядывала счастливую парочку, покачивая бокал в пальцах.

– За что пьете?

– Скорее, для чего, Ваше Могущество, – нашелся Яго, – для опьянения!

– Понятно, – хмыкнула Ники.

Коснувшись своим бокалом их, прислушалась к звону, едва уловимому в шуме, и добавила:

– Пейте с учетом того, что завтра нам предстоит серьезный разговор.

Рю Воронн казался спокойным, однако Вита уже знала его – прикажи архимагистр отправляться сейчас же в очередную опасную эскападу, он просто отставит вино... и отправится!

– Не надо волноваться, – мягко сказала Ники, глядя на него, – я сказала «нам», имея в виду и Вителью. Вы нужны мне оба!

Рю Воронн молча поклонился. Архимагистр, сощурившись, оглядела его мощный загорелый затылок, улыбнулась замершей Вителье и скрылась в толпе.

– Яго... – позвала девушка.

Он залпом допил свой бокал и снова поцеловал ее. Губами, пахнущими сладкими гаркенским вином.

– Вителья, похоже, мы снова покинем Вишенрог... Ты готова к этому?

Она лихо повторила его жест, тоже допив вино. Жадно посмотрела на него.

– К чему, Яго? К ночам под открытым небом? К отблескам костра на клинках? К погоням и засадам? С тобой – готова!

Она взяла ее лицо в ладони. Заглянул в зеленые дикие глаза.

– Ты знаешь, что ты сумасшедшая?

– Ты любишь меня за это?

– Нет. Я просто люблю тебя...

Выпустив ее, рю Воронн шагнул назад.

– Принесу еще вина. Предчувствие подсказывает, что напиться нам теперь долго не удастся, значит, надо сделать это сегодня!

Вита только головой покачала и снова отвернулась к окну. Да, все правильно. Ягорай – воин, и она тоже – воин, точнее, боевой маг. Вместе они – команда. Слаженная, сработанная, не ведающая сомнений и страхов, не знающая преград на своем пути. Завтра она подумает о том, что Ласурская бригада отправится в путешествие не в прежнем составе. Завтра погорюет о Йоже и Виньо, ощутит сожаление при мысли о Варгасе Серафине. Завтра попытается понять, куда могут завести ее сказки. Сказки Тикрейской земли. Но это все завтра! А сейчас – звезды славного города Вишенрога, ставшего ей родным, губы Яго, дарящие наслаждение, и коварное гаракенское вино...

– Хвостато приветствую тебя, дама Вителья! – услышала она скрипучий голосок откуда-то снизу.

В недоумении перевела взгляд на источник звука и торопливо задернула штору, чтобы скрыть от любопытных глаз толпы поджарого крысюка в рыцарских доспехах.

– И тебе привет, Альтур! – воскликнула она, осторожно пожимая протянутую лапу в стальной пластинчатой перчатке. – Как поживаешь? Как продвигается великое дело объединения народа?

– Дело – продвигается, – покивал крыс, – моего народа стало меньше, но теперь я точно уверен, что это мой народ!

– Не понимаю, – покачала головой девушка.

– Все, кто пытался сопротивляться новому государю, то есть мне, – убиты, – охотно пояснил Пенкрысон. – Их жаль, но цель оправдывает средства! На очереди – крысиные народы соседних стран.

– Однако, – пробормотала Вита, потрясенная размахом маленького короля. – С людьми вы тоже собираетесь воевать, Ваше Хвостатое Величество?

– Ты сомневаешься, что мы это можем, благородная дева? – Альтур ощерился, поблескивая красными искорками глаз, и выхватил меч.

– Не знаю, – честно ответила волшебница. – Но думаю, это будет неприятный опыт для обеих сторон.

– Ты права, – проворчал крыс, пряча меч обратно в ножны, – поэтому с людьми я буду договариваться, но очень может быть, что договариваться не придется, поскольку будет не с кем!

– Что ты имеешь в виду? – насторожилась Вителья.

Альтур уселся на край подоконника, свесив задние лапы. Поправил меч, чтобы не мешал.

– Тебе известно, что нас называют переносчиками болезней, и в этом есть доля истины, – произнес он. – Наша беда и проклятие, в результате которых мы гибнем в куда большем количестве, чем люди, вас не волнует, впрочем, дело не в этом! Как переносчики мы чуем инфекции, знаем, где и когда возможна эпидемия. Так вот, благородная дева, этой весной в Вишенроге пахнет безумием, и мне это не нравится!

– Безумием? – удивилась Вита. – Разве им можно заразиться как, например, простудой или чумой?

Пенкрысон пожал плечами и поднялся.

– Я тебя предупредил, волшебница! Думать о людях – не моя забота! Сюда идут!

Зацепившись за штору, крысиный король съехал по ней вниз и был таков.

– Ты прячешься от меня? – уточнил Ягорай, ныряя в «убежище» и ставя на подоконник еще два бокала.

Вителья покачала головой и задумчиво спросила:

– За что будем пить теперь?

– У тебя есть предложения? – обнял ее Яго.

Он прижалась к нему, каждой клеточкой впитывая тепло его тела.

– Давай выпьем за то, чтобы все загадки были разгаданы?

– Вряд ли это возможно, солнышко мое, – усмехнулся рю Воронн, – но выпить это нам не помешает!

На следующий день архимагистр Никорин официально сообщила Ягораю рю Воронну и Вителье Таркан ан Денец об особом королевском задании – операции под кодовым названием «Ласурские призраки».

Ни Яго, ни Вита удивленными не выглядели, и Ники это отметила.

– В этот раз я хочу, чтобы ты была главной в команде, Вителья, да простит меня граф рю Воронн, – архимагистр сцепила перед собой тонкие пальцы. – Да, ты молода и опыта подобных вылазок у тебя... почти ничего, в отличие от остальных. Однако ты чувствуешь истинную Силу, поэтому будешь тем флюгером, что укажет в нужную сторону. Я бы хотела отправить с тобой всех, кто участвовал и в прошлой эскападе, но...

Она замолчала.

– Наши друзья – Йожевиж и Виньовинья... – заговорил Ягорай. – Вы не можете отправить дочь короля дружественного государства в столь опасное путешествие.

– Вот именно! – кивнула Никорин. – Хотя основной состав я сохраняю. Даже эту новенькую... фаргу Виден – в качестве штатной целительницы группы, раз уж Виньовинья Агатская не сможет участвовать. Вот только одного мага, даже такого сильного, как Вита, будет недостаточно...

– Но Варгас вернулся! – воскликнула Вита и смутилась, покосившись на спутника. Лицо рю Воронна ничего не выражало. – Я хотела сказать, Варгас Серафин, мой бывший напарник. Он опытный боевой маг и прекрасный товарищ.

Ласурский архимагистр смотрела на нее с непонятным выражением в глазах.

– Я доверяю вам переговорить со своими друзьями, – наконец, произнесла она, – расскажите им о нашем разговоре. Об участии Серафина я пока думаю, поэтому запрещаю говорить ему об операции. Кроме того, напоминаю про подписку о неразглашении, которую вы все давали под страхом смертной казни. Вот это... – на узкой ладони Никорин появился тугой свиток, – ... сказки, которые вам следует перечитать. Вам – и тем, кто согласится участвовать.

– Не читал сказок с детства! – улыбнулся рю Воронн, однако его темные глаза не улыбались. – Мне уже нравится это задание, но я хотел бы услышать подтверждение от своего непосредственного начальника, Его Светлости рю Вилля.

Ники вперила в него холодный взгляд:

– Не доверяете мне, граф?

– Не столько не доверяю, Ваше Могущество, сколько хочу соблюсти формальности, – любезно ответил рю Воронн. – Кроме того, для разговора с друзьями мне следует знать сумму, которую им заплатят. Такие сведения всегда сообщал мне рю Вилль и никогда – вы.

Никорин засмеялась.

– Вы мне нравитесь, Ягорай, – сказала она и подмигнула Вите. – В вас есть какая-то странная харизма, которая не позволяет вас убить, даже если очень хочется. Полезное свойство, как для дипломата, так и для шпиона.

Она махнула рукой, открывая портал.

– Ступайте к рю Виллю, он уже ждет вас. А тебя, Вителья, жду завтра на занятия в обычное время.

Волшебница встала, шагнула к столу, взяла свиток и, проводив глазами исчезающего в портале Яго, покинула Золотую башню. Сердце билось одновременно встревоженно и радостно. Куда-то заведут ее, Вителью Таркан ан Денец, эти сказки? Сказки Тикрейской земли.

– Мы здесь когда-то были! – ворчливо заметил Дробуш, оглядывая влажный песок взморья. – Зачем опять?

Направо и налево, покуда хватало глаз, тянулся берег, утыканный острыми скалами, как ёж колючками, сердито шипели свинцовые волны. Здесь было светло и холодно. Очень светло и очень холодно.

Вита молча покачала головой. Ей надо было поговорить с Кипишем, но отчего-то хотелось покинуть Вишенрог и оказаться дальше от людей.

Божок появился, едва волшебница нашла удобный камень и подогрела его настолько, чтобы на него можно было присесть, и заявил:

– А я все ждал, когда же ты решишься на этот разговор, Вителья!

– Значит, мне не нужно все рассказывать, прежде чем узнать твое мнение? – обрадовалась девушка.

– Нужно! – Вырвиглот устроился рядом с ней.

– Тебе, никчемный кусок мрамора, совсем не обязательно знать все, что знает моя жрица! – возмутился Кипиш. – Другое дело – я!

– Не ругайтесь, – поспешно встряла Вителья. – Я расскажу о том, что сказала нам с Яго сегодня Ласурский архимагистр. Заодно приведу свои мысли в порядок – устные доклады этому, знаете ли, способствуют.

Когда она договорила, Дробуш почесал в затылке и уточнил:

– Может быть, кроме сказок почитать что-нибудь еще? Исторические исследования? Воспоминания современников?

– Случись это все лет пятьсот назад, следовало бы изучить все, что ты перечислил. – В голосе рябого полумесяца не было обычной насмешки. – Но речь идет о событиях, предшествующих Вечной ночи. Никаких исторических исследований на эту тему никогда не велось, все, как ты выразился, современники давно мертвы... за редким исключением. А те, что вроде меня еще живы, предпочитают скрываться от таких, как эта Никорин. Если от тех далеких времен и остались отголоски, искать их нужно именно в сказках!

– Значит, будем искать? – Вырвиглот вопросительно посмотрел на Виту.

Девушка кивнула и, взглянув на месяц, обернувшийся кошачьей мордой, снова отметила сходство зеленых, слегка раскосых глаз с ее собственными. Кот смотрел исподлобья, будто ждал следующего вопроса, а прочитав его в ее глазах, поднял сразу все ладони в отрицающем жесте:

– Вита, я в этом участвовать не буду! Все-таки не чужие мне существа лежат там, во тьме могильников.

– А мешать? – спросил Дробуш.

Волшебница поняла, что именно по этой причине хотела поговорить с божком. Реши Бог Хаоса чему-нибудь воспрепятствовать, начнется такое!

Судя по выражению кошачьих глаз, Кипиш приготовился слинять, так и не ответив.

– Стой! – воскликнула Вителья и схватила его за одну из рук.

И тут же отпустила, охнув. Пальцы прошило мощным энергетическим потоком. Ощущение не было неприятным – просто слишком сильным для не ожидавшей его девушки. Кипиш с интересом следил, как она стряхивает со своих пальцев призрачное сияние, словно гигантскую световую каплю.

– Что это? – прошептала волшебница, глядя, как «капля» плавит песок.

– А это вера в меня, – довольно улыбнулся божок. – Приятно, знаешь ли, иметь не только собственную жрицу, но и паству, которая растет медленно, не неуклонно!

– И чем нам это грозит? – поинтересовался Дробуш.

Вита подумала, что за прошедшее время тролль превратился из существа, задающего глупые вопросы невпопад, в того, кто задает верные вопросы в правильное время. И насторожилась, потому что ответа она так и не услышала.

– Кипиш, – строго сказала она, – перед тем, как я расскажу остальным о предложении архимагистра, я хочу знать – следует ли нам опасаться тебя при выполнении новой миссии? И не вздумай исчезнуть, не ответив!

В продолжение ее слов Вырвиглот безбоязненно положил руку на плечо божка. Божественное сияние окутало Дробуша, не причиняя вреда, но развеяло морок, заключенный в амулете-куколке, который тот носил, не снимая. Перед глазами Виты два древнейших на Тикрее существа с вызовом смотрели друг на друга. К ее удивлению Бог Хаоса сдался первым. Дернув плечом, вредная старушенция злобно прошамкала:

– Да отцепись ты, лабрадорит несчастный! Не стану я вам мешать, ясно? И отстаньте все от меня!

В следующее мгновение Кипиш исчез, словно растворился в воздухе.

Вита и тролль переглянулись.

– Как думаешь, Дробушек, почему? – задумчиво спросила волшебница и перевела взгляд на свинцовые волны северного океана. – Почему он не станет нам мешать?

– Хотел бы я знать ответ... – вздохнул тролль. Морок снова начинал действовать, и устрашающие черты грубого каменного лица постепенно сменялись неказистыми человеческими. – Но он не врет, я это чувствую.

– И все же, почему?... – прошептала Вителья.

Волны что-то бормотали в ответ, однако разобрать их слова было невозможно.

Кузня почтенного Хлопблехеля открывалась рано, но и закрывалась не поздно, а из посольства Йож возвращался уже затемно – несмотря на приказ посла расходиться по домам, засиделся за свитками, желая поскорее закончить рутинную работу, чтобы почтенный Застыл предложил ему что-нибудь поинтереснее. Хотелось, придя домой, выдуть кружку морса, выкурить трубку, рухнуть в постель, прижав к себе ладное тело жены, и не видеть во сне проклятые свитки. Виньовинья, наверное, сейчас сидит, забравшись с ногами на кровать и обложившись книгами, такая маленькая, крепенькая, уютная. В доме притушен свет и слегка открыто окно, чтобы впустить запахи пробуждающейся природы, талого снега, свежего ветра...

Йожевиж замедлил шаг. Надо же, он, гном Синих гор, который, как и все гномы любит замкнутые пространства, спертый воздух штолен и массу камня над головой, радуется окну, открытому на улицу и свежему наземному ветру! Воистину, дом там, где твоё сердце.

К его удивлению в доме ярко горел свет, и доносились голоса. Йож вздохнул – гости пришли... И тут же усмехнулся в бороду – сейчас придется ужин готовить, а для друзей и любимой готовить в радость. Однако ужин готовить не пришлось. Когда гном открыл дверь и крепко поцеловал жену, которая после положенного поклона бросилась ему на шею, он учуял запах жареной картошки со свиной, соленой капустки, щедро политой маслом, свежайшей ветчины и баблио.

– Мы пируем? – уточнил он, переступая через порог с приятной тяжестью в виде Виньо в руках. – Что празднуем?

– Пока ничего, – Тариша, наморщив нос, мешала деревянной лопаткой свинину с картошкой, чтобы не пригорела. – Просто кушать хочется.

– Нет уж, давайте пировать! – раздался капризный голос из глубины помещения. – Предлагаю посвятить этот пир мне!

– Скоро ради него солнце начнет вставать... – пробурчал Дробуш, сидящий за столом с явной целью охранять ветчину от противного божка.

– Я этого не допущу, Дробушек, обещаю! – Вителья погладила его по плечу.

Она любовно выкладывала из баблио узоры на тарелочке, и периодически била по рукам Дикрая, который тоже маялся от голода и потому тянул к столу жадные руки. После последнего шлепка оборотень обиженно зашипел.

– Еще немного... – не оглядываясь от плиты, тут же отреагировала Тариша, и Денеш, огладив ее сильную спину нежным взглядом, мечтательно улыбнулся.

– Ну, с этими все понятно! – прошептал Йож на ухо Виньо, заставив ее захихикать, и поставил жену на пол.

Раздался стук в дверь и на пороге показались сестры Аквилотские, за которыми стояли Яго и Грой. Все четверо дружно повели носами.

– Гости пришли, почтенные хозяева! – возгласила Тори, пропуская старшую сестру вперед и кланяясь присутствующим вместе с ней. – Тут гостей принимают али нет?

– Свои все дома! – проскрипел старушечий голос.

Йожевиж заглянул в соседнюю комнату и увидел на кровати Кипиша, обложившегося учебниками Виньовиньи. С очень серьезным видом божок вытаскивал из одной книги лист и приращивал ее в другую.

Зайдя в комнату и прикрыв за собой дверь, Йож нахмурил мохнатые брови и грозно сказал:

– Верни все как было, почтенный Кипиш! Виньо расстроится, а я этого не желаю!

Божок хихикнул и пообещал:

– Верну, но сначала посмотрю на ее выражение лица. И вообще – время пировать в честь меня!

И он тут же исчез, а из кухни раздался протестующий рев Вырвиглота, видимо, ветчина исчезла тоже.

– Руки мойте! – вздохнул Йожевиж.

Все заторопились в очередь к рукомойнику. Опытные воители, маги и целители, суровые покорители неведомых путей судьбы иногда напоминали уважающему себя мастеру детей несмышленных.

На свинину с картошкой набросились так, словно год не ели. Только Тариша воротила нос, предпочитая пить воду. Фарга была непривычно тихой и казалась не выпавшейся. Видимо, весна подействовала на нее сильнее, чем она сама ожидала.

– Есть разговор, – сообщила Вителья, – но я его придержу до баблио с морсом.

– Это почему же? – удивилась Тори, наворачивая жаркое.

– Он может иметь последствия для аппетита присутствующих, – серьезно сказал рю Воронн.

– Даже так? – округлила глаза Виньо и потянулась за добавкой, но... обнаружила рядом с блюдом с жарким Кипиша.

– Я чего? – спросил свирепый воин, играя бровями и поглощая картошку. – Я ничего!

– Убить! – привычно констатировал тролль, и под возмущенные вопли божка разложил остаток жаркого по тарелкам.

Когда разлили по кружкам горячий морс и по комнате потянуло ароматом ягод, с которым у Йожа твердо ассоциировались путешествия, Вита, сделав глоток из своей кружки, огля-

дела присутствующих, собралась с духом и... рассказала о предложении Ласурского архимандрита.

Ее слушали, не перебивая. Присутствующие прекрасно помнили, чем обернулась для эльфов Лималля «любовь» их полуживого бога Гопотамкина, и понимали, что не поздоровится каждому, человеку ли, оборотню или гному, окажись рядом могущественное существо, жаждущее вернуться из небытия. А возможно, не просто вернуться, но и отомстить!

– И когда выступаем? – вырвалось у Йожевижа, едва Вита замолчала.

Волшебница покачала головой.

– Прости меня, почтенный мастер Йож, Ее Могущество разрешила мне посвятить вас с Виньо в этот план, но ваше участие в нем невозможно.

– Это еще почему? – возмутилась Виньо.

– Подумай, – мягко сказал Яго.

Йожевиж крепко дернул себя за бороду, положил широкую ладонь на руку супруги и произнес:

– Я очень хочу отправиться с вами, но понимаю, что делать этого никак нельзя.

Вителья облегченно вздохнула.

– Это из-за отца, да? – в глазах гномеллы стояли слезы. – Из-за того, что он король, да?

Молчащий до этого момента Грой поднялся, подошел к ней, присел на корточки и обнял. Гномелла разрыдалась.

– Не плачь, Виньовинья Агатская, – прошептал он, глядя ее по голове, – Руфус с Торусом сполна отмерили тебе счастья в этой жизни, не грехи на них! Теперь у Йожа есть солидная работа, может, он и мастерскую сможет открыть в Вишенроге... Да и у тебя с учебой все ладно складывается, правда? – Она мелко закивала. – У каждого из нас своя судьба. Ваша с почтенным мастером Синих гор теперь такая. Прими ее!

Если Йож и был удивлен его участием, то не показал вида.

– Когда мы отправимся, я не знаю, – вздохнула Вита, стараясь тоже не заплакать. – Пока велено читать сказки. Но мы с Яго должны сообщить Ее Могуществу о вашем согласии, друзья.

– Заплатят сколько? – уточнила Руфусилья, поигрывая тяжелым подвесом на косе. – Нам с сестрой без разницы, в каком уголке Тикрея топорами махать, лишь бы платили.

– Точно! – подняла палец Тори.

– За участие заплатят не меньше, чем за поход в Лималль, – подал голос рю Воронн, и Вита внимательно посмотрела на него. – И сверх того – за каждый уничтоженный могильник. Оговорено отдельно, что оплату можно требовать не только в деньгах.

– А в чем же еще? – удивилась Торусилья.

Рю Воронн пожал плечами.

– Землей, поместьями, домами, привилегиями...

Сестры Аквилотские переглянулись. Руф поднялась и поклонилась:

– Мы в деле, уважаемый Ягорай и уважаемая Вителья! Передайте Ее Могуществу нашу благодарность за приглашение.

– Я с вами, – поднимаясь с корточек, сказал Грой, – привилегии мне нужны, как дохлая курица, но пора, пора размять лапы!

Виньовинья, всхлипывая, прижалась к плечу мужа, но слезы больше не текли по ее щекам – слова Вироша привели ее в себя.

– Если Виньо не идет, вам будет нужна целительница, – Тариша испытующе взглянула на Виту, и девушка обратила внимание, что лицо фарги покрыто испариной, – я согласна, если Рай участвует.

– Рай участвует! – тут же поддакнул Денеш. – Рай любит деньги! Много денег!

– Жрать он любит, этот Рай, – привычно поддел Йож, крепче обнимая супругу, и посмотрел на Виту: – Пускай нас не будет с вами, но мы в деле! Давай-ка взглянем на список ска-

зок, который составила архимагистр? У наших народов, как оборотней, так и гномов, долгая память. Вдруг еще что-нибудь вспомним?

– Дело говоришь, почтенный мастер! – кивнул Грой. Его желтые глаза азартно заблестели.

Волшебница вытащила из поясной сумки свиток и положила на стол. Все увлеченно склонились над ним, даже Виньо поспешно вытерла глаза и встала, чтобы лучше видеть.

Фарга Виден, пожав плечами, поднялась, чтобы плеснуть в кружку теплой воды из чайника. Вита подошла к ней и, делая вид, что наливает себе морс, тихо спросила:

– Что с тобой, Тариша? Тебе нездоровится?

– Простудилась, наверное, пока гуляла с Раем, – равнодушно ответила та.

– Я могу вылечить, – предложила волшебница и физически ощутила, как разозлилась фарга, будто враз обросла иглами, направленными в ее сторону.

Тариша взяла полную до краев кружку так резко, что вода расплескалась.

– Спасибо, Вита, я справлюсь, – ровно сказала она и вернулась к Дикраю.

Вителья отвернулась к плите, чтобы успокоиться. Виньо для нее и Виден всегда была той ниточкой, что связывала женщину из племени людей и фаргу из племени оборотней в единую команду. И связывала так успешно, что волшебница даже успела забыть о том, как ненавидит Тариша людей. В предстоящем путешествии гномеллы с ними не будет. Неужели ненависть вернется? Несколько мгновений Вита смотрела перед собой невидящими глазами, а потом прищурилась. Не бывать этому! Если Ники сделает ее главной в их команде, никто никого ненавидеть не будет или... Или его не будет в команде!

Архимагистр Никорин повернула к себе зеркало, разглядывая красивое лицо мужчины, сидящего в ее приемной.

Варгас Серафин был спокоен. Если и нервничал перед встречей с Ее Могуществом, то только самую чуточку, все-таки не каждый день тебя выдергивают из пограничного гарнизона в столицу ради разговора с сильнейшей волшебницей Тикрея! Надо же, она помнила его еще подростком – симпатичного мальчишку с неожиданно темными внимательными глазами и стихийно проявившимся способностями к магии, которые до смерти напугали его родных. Тогда Серафины держали скобяную лавку, в магазинчике при которой Варгас помогал отцу, а сейчас стали одним из известных купеческих столичных семейств, и во многом благодаря его жалованью боевого мага. Варгас был не скуп, честен, обладал спокойствием и чувством юмора, умел говорить с разными людьми так, что они доверялись ему. И что немаловажно, как маг он рос на ее глазах и под ее косвенным – через магистра Кучина – руководством, а значит, был предан Ордену Рассветного Лезвия до мозга костей. Полезные свойства для той должности, что Ники собиралась ему предложить.

– Зови! – приказала она амальгаме.

В зеркале Варгас повернул голову в сторону Бруттобрута, видимо, услышав от него свое имя. Торопливо встал и пошел в сторону порталных плит.

Спустя пару минут он стоял в покоях архимагистра, вытянувшись в струнку, как новобранец перед генералом. Никорин скрыла усмешку – в ощущении власти над лучшими мужчинами Тикрея таилась своя прелесть.

– Добрых улыбок и теплых объятий, Варгас! – любезно улыбнулась она и указала на стул напротив. – Присаживайтесь.

– Добрых улыбок и теплых объятий, Ваше Могущество! – поздоровался Серафин и сел.

Ники видела, как хочется ему спросить, для чего он здесь, но он молчал. Не спускал с нее глаз и выглядел так, словно сейчас ему сообщат об очередном опасном задании. «Ох,

малыш, ты даже не подозреваешь, до чего опасно бывает в том месте, куда я собираюсь тебя определить!» – подумала архимагистр и неожиданно развеселилась.

– Напомните мне, Варгас, тему своей кандидатской работы? – спросила она, чтобы не захотать и не напугать посетителя.

– «Использование универсальных магических плетений для создания узконаправленных защитных щитов»... – растерянно ответил Серафин.

– А какой главный из двух принципов для боевого мага: защита или нападение?

– Защита! – не задумываясь, воскликнул Варгас. – Боевые маги – не убийцы! Да, мы выполняем приказы, как военизированное подразделение, но основная наша цель – защищать остальных, а не нападать первыми.

– Отлично, – мурлыкнула Ники, – принципы боевой магии вы усвоили. Как вы думаете, какие самые важные объекты защиты, ну, скажем, в Ласурии?

– Границы, – серьезно сказал молодой маг, – особенно со стороны Крей-Лималля. Потому что угрозы оттуда не стало меньше...

– Еще! – приказала архимагистр.

Серафин задумался.

– Королевская сокровищница? – наконец, спросил он. – Национальный банк? Порт? Секретные оборонные объекты?

– Вы и про них знаете? – подняла брови Ники.

Молодой маг смутился.

– Я служил рядом с одним из них... – пробормотал он.

– У всего названного есть одно общее, – не обращая внимания на его заалевшие щеки, продолжила Никорин, – это общее иногда явно, иногда косвенно имеет отношение ко всему в Ласурии и ко многому на Тикрее. И ЭТО надо защищать сильнее, чем любые секретные оборонные объекты!

Варгас подался вперед:

– Что же это?

Архимагистр сощурила глаза, становясь похожа на кошку, смотрящую из темноты на беспечную птичку.

– Король. Король – не человек Редьярд Ласуринг, король – не тот, кем станет когда-нибудь Аркей Ласуринг или любой другой из Ласурингов... Король – отправная точка любой власти, гарант общества и державы. После пятилетней войны страна была разрушена, вы это помните?

Маг кивнул.

– Но мы очень быстро восстановили ее. Благодаря кому? Благодаря Редьярду Ласурингу? Нет! Благодаря Его Величеству Редьярду Третьему! А если бы его не стало?..

– Я не могу этого представить... – пробормотал Варгас.

– А я не могу представить, что опытный боевой маг, краса и гордость Ордена Рассветного Лезвия потерял себя из-за крейской девчонки! – жестко проговорила Никорин, и Серафин вскинулся, будто она ударила его. – У магистра Кучина были на вас большие планы, Варгас, однако сейчас он сомневается в том, что они выполнимы. Но у Вительи Таркан ан Денец своя судьба, в которой вам места нет!

Молодой маг, тяжело дыша, откинулся на спинку стула и прикрыл веки. Когда он поднял их, в его глазах читалось всегдашнее насмешливое спокойствие.

– Ваше Могущество, при всем моем уважении, мои личные проблемы вас не касаются и не мешают мне выполнять обязанности в качестве боевого мага, – произнес он, и Ники понравилось, как он это сказал.

– Варгас... – она раскатала его имя на языке, как карамельку. – Варгас... Вы умны и умеете ждать. Стоит ли Вительи того, чтобы ждать ее?

– Да! – лаконично ответил он.

Ники склонила голову на бок и констатировала с видимым удовольствием:

– Хорошо, тогда я спрошу по-другому: согласны ли вы ждать Виту так долго, что мир вокруг может... измениться?

Маг вздохнул.

– Ваше Могущество, я – обычный человек, а Вита – Сообщающийся Сосуд. Для нее время сменило категорию «годы» на категорию «столетия», хотя она сама пока об этом не задумывается. Я согласен ждать столько, сколько потребуется, но вовсе не уверен, что проживу даже четверть этого срока!

– Знаете ли вы, что дворец Ласурингов построен на месте Источника Силы, одного из самых мощных на этой части Тикрея?

Варгас кивнул. Конечно, он, окончивший один из магических университетов, знал об этом.

– Но вряд ли вы знаете о том, что королевскому магу Просто Квасину более четырехсот лет, – блеснула глазами архимагистр. – Эти годы ему подарили близость Источника и некоторые специфичные знания о его использовании, сообщенные мной... в обмен на голос мэтра на Высшем Магическом ковене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.